

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной
коммуникации

Н. И. Коновалова

Этносоциоллингвистика

Учебное пособие

Екатеринбург
2016

УДК 81'27:39(075.8)
ББК Ш100.62+Ш100.635я7
К 64

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве учебного издания (Решение № 573 от 21.12.2016)

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Т.А. Гридина;**
кандидат филологических наук, доцент **Т.А. Зуева**

К 64 **Коновалова, Н. И.**

Этносоциолингвистика : учебное пособие /
Н. И. Коновалова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург,
2016. – 121 с.

В учебном пособии «Этносоциолингвистика» реализуется идея интегрированного, комплексного изучения основных вопросов современных междисциплинарных дисциплин: лингвострановедения и лингвокультурологии, этнологии и этнолингвистики, психологии и психоллингвистики, социологии и социоллингвистики.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование», профили «Филология», «Культурология», и педагогов, работающих в поликультурной среде.

УДК 81'27:39(075.8)
ББК Ш100.62+Ш100.635я7

© Коновалова Н. И., 2016
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2016

Введение

Необходимость глубокого изучения современной этноязыковой ситуации нашла отражение в федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (по направлениям и специальностям педагогического образования) во введении новых учебных дисциплин. К ним относятся, в частности, «Этнология», предполагающая освоение студентами вопросов теории этногенеза, этнической культуры и традиции, этнического самосознания; «Этнопсихология» и «Педагогика межнационального общения», рассматривающие проблемы национального своеобразия воспитания, культуры межэтнической коммуникации, и др. **Актуальность** введения в учебный план подготовки филологов и культурологов курса «Этносоциолингвистика» обусловлена необходимостью интегрированного, комплексного изучения основных вопросов современных междисциплинарных дисциплин: лингвострановедения и лингвокультурологии, этнологии и этнолингвистики, психологии и психолингвистики, социологии и социолингвистики.

Задачи курса:

1. Анализ основных направлений этнолингвистических исследований в Западной Европе и Америке (эволюционизм, диффузионизм, социологизм, функционализм, структурализм, неэволюционализм); изучение опыта этнолингвистических и социолингвистических исследований в России.

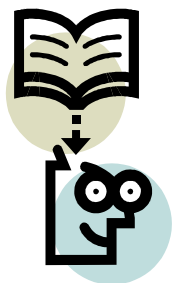
2. Привлечение внимания студентов к теоретическим изысканиям в области этнопсихосемантики, к изучению национально-культурной специфики отдельных языковых средств (безэквивалентной лексики и фразеологии, антропонимии и топонимии и т.п.).

3. Анализ проблем соотношения социальной, этнологической и лингвистической парадигм.

4. Выработка практических навыков анализа этнокультурных стереотипов речевого поведения и паралингвистических средств общения.

5. Определение функций учителя в полиэтнической и поликультурной среде.

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА

Тема 1. Введение в этносоцилингвистику

Объект и предмет изучения этносоциolingвистики. Анализ основных направлений этнолингвистических исследований в Западной Европе и Америке (эволюционизм, диффузионизм, социологизм, функционализм, структурализм, этнопсихологизм, культурный релятивизм, неэволюционализм). Изучение опыта этнолингвистических исследований в России. Идеи Э.Сепира, В.Гумбольдта, А.А.Потебни и их развитие в современной этносоциolingвистике. Российская этно- и социolingвистика на рубеже XX-XXI вв.

Тема 2. Общие вопросы этносоциolingвистики

Этносоциolingвистика в кругу гуманитарных дисциплин. Этносоциolingвистика как единая научная область, включающая в себя социolingвистику и этнолингвистику. Этническая, социальная и языковая картины мира, методы их описания. Классификации языков: генеалогические, квантитативные, ареально-типологические, структурно-типологические.

Тема 3. Язык и этническая культура

Взаимодействие языка и культуры. Понятия «этнос», «языковой коллектив», «этническая культура». Слово в контексте культуры. Культура и ее этнические функции. Этнический стереотип и этнический образ, их преломление в языке. Методы исследования этно- и автостереотипов. Познавательные процессы и культура: специфика восприятия и мышления в традиционной (архаической) культуре. Национальный характер и ментальность. Л. Леви-Брюль о ментальности первобытного и современного человека; К. Леви-Строс об универсальности структуры мышления. Проблемы реконструкции древнеславянской

духовной культуры. Основные черты традиционной культуры. Фидеистическое отношение к слову как психологическая основа словесной магии; магическая функция языка. Обычаи и ритуалы в традиционной народной культуре: символика предметов, атрибутов и действий; ритуал как единство фидеистического действия и слова; соотношение: ритуал – миф – язык. Понятие «культурный текст». Связи между языком и другими компонентами культуры.

Тема 4. Мифология и фольклор как источник этносоциокультурной информации

Различие между мифологией и фольклором; «предмифы» – архетипические доязыковые структуры сознания. Содержание мифолого-религиозной картины мира. Мифологема как операциональная единица анализа языковой картины мира. Заговоры, заклинания, мантры, заклички, обереги и др. суггестивные тексты, отражающие ментальные стереотипы этноса. Народная этимология как инструмент магии. Этнокультурно маркированные тексты. Коммуникативные особенности мистических текстов. Специфика мистически ориентированной коммуникации. Сакральный текст как лингвокультурный феномен.

Тема 5. Базовая этносоциолингвистическая триада «язык – человек – общество»

Общественные функции языка. Язык и общество. Понятие языковая личность. Языковая личность и культура. Язык и нация. Понятие о «национальном характере». Этнокультурные основания социализации. Речевая деятельность как творчество. Языковая картина мира и эмпирическое обыденное сознание. Стереотип как явление культурного пространства. Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке: гендерные стереотипы в этносоциолингвистическом аспекте. Символ как стереотипизированное явление культуры. Метафора как специфический способ представления культуры. Социальная мифология: типичные представления социальной группы и стратегии индивидуальной идентификации.

Тема 6. Проблемы билингвизма и диглоссии

Психологические, этнокультурные и социальные аспекты билингвизма (двуязычия) и диглоссии (взаимодействия различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка). Сосуществование языков в условиях билингвизма: в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. Отношения между разными формами существования одного языка (литературным языком, койне, диалектами, социолектами) в условиях диглоссии. Проблемы двуязычия и культура: «вынужденное» двуязычие и «полукультура». Проблемы кросс-культурного исследования интеллекта. Понимание иноязычного текста. Этнографические, этнокультурные, исторические, психолингвистические факторы, обуславливающие адекватность воспроизведения и восприятия иноязычных текстов. Типы этнолингвокультурем: безэквивалентная лексика и лакуны; мифологизированные языковые единицы (архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, приметы и суеверия, закрепленные в языке); паремиологический фонд языка; фразеологический фонд языка, афористика; стилистический уклад языков; речевое поведение; область речевого этикета. Функции учителя в полиэтнической и поликультурной среде.

Тема 7. Проблемы языковой политики

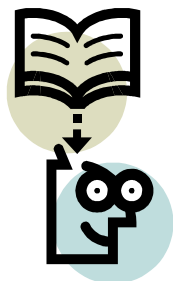
Соотношение понятий «языковой коллектив» и «социальная группа». Типы языковых состояний. Понятие языковой ситуации как совокупности форм существования языка (литературного языка, просторечия, региональных койне, территориальных и социальных диалектов и пр.), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении. Типы языковых ситуаций (экзоглоссные – совокупности различных языков, и эндоглоссные – совокупности подсистем одного языка; сбалансированные – с функционально равнозначными компонентами, и несбалан-

сированные – с компонентами, распределенными по различным сферам общения и социальным группам). Социальная природа языка, социальная дифференциация языка. Проблемы межэтнической коммуникации. Теории этнокультурного взаимодействия. Зависимость коммуникации от культурного контекста. Способы передачи информации в речевой деятельности: текст в речевой деятельности; невербальные компоненты коммуникации и их национально-культурная специфика. Межличностные отношения в межкультурном общении, вопросы лингвистической суггестии и контрсуггестии в межгрупповом восприятии. Понятие «языковая политика». Социальные и этнические аспекты языковой политики. Языковая политика в многонациональной России. Функции государственного языка в многонациональном государстве.

Тема 8. Методы этносоциолингвистики

Виды методов этносоциолингвистики, выбор метода в зависимости от цели, стратегии и программы исследования. Методы полевого исследования (анкетирование, опрос, интервьюирование, непосредственное наблюдение, включенное наблюдение). Методы этносоциолингвистического анализа языкового материала (корреляционный анализ, статистические методы, моделирование социально обусловленного речевого поведения и анализ социально обусловленной вариантности языка, лингвогеографическая и лексикографическая обработка материала, дискурсивный анализ, контрастивные исследования, методы и приемы внешней и внутренней реконструкции, этимологического анализа и др.).

СОДЕРЖАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Русское языковое пространство

1. Проблема соотношения пространства языка и пространства культуры.
2. Литературный язык как подсистема национального языка.
3. Диалект и русский литературный язык: проблемы взаимовлияния.
4. Социолект и социальные подязыки: арго, жаргон, сленг.
5. Просторечие. Койне. Соотношение понятий «языковая норма» и «языковая традиция» применительно к разным уровням русского языкового пространства.
6. Изменения в языковой системе (на материале лексики и фразеологии).
7. Проблемы современной культурно-речевой ситуации.

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. – М., 2001.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб., 2004. Гл. 1-2.
- Демидова К.И., Зуева Т.А.* Изменения в лексике и фразеологии русского языка в XX столетии. – Екатеринбург, 2004.
- Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб., 2001.
- Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М., 2004. Раздел III.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции.* – Екатеринбург, УрГУ, 2000.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 1996. Гл. Формы существования языка. С.30-48.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

Тема 2. Язык и культура: проблемы взаимодействия

1. Взаимосвязь языка и культуры.
2. Языковая картина мира.
3. Культурные компоненты в семантике слова.
4. Понятие коннотации. Национально-культурная коннотация.
5. Языковая картина мира в фольклоре.
6. Модели возраста в русской культурной и языковой традициях.

Литература

Брагина А.А. Ваш менталитет и наш менталитет // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №4. 1999.- С.33-37.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. – 246 с.

Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн.1. Историографический очерк, проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа – от первобытности к Возрождению. – СПб., 2001.

Кармин А.С. Основы культурологии: Морфология культуры. – СПб., 1997.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2004.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002. Лекция 12. Национально-культурная специфика построения дискурса. С. 213 - 231.

Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. – М., 1997. Гл. 10. Этнопсихоллингвистика. С. 189-199.

- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М., 1996.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2001.
- Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. – СПб., 1994.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
- Чельшев Е.П.* Культура России в мировом контексте // Образ России. Русская культура в мировом контексте. – М., 1998.
- Шмелев А.Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Мир русского слова, №4, 2000. С.46-50.
- Щукин В.* От белокаменной до красной. Трансформация московского мифа в конце XIX – начале XX века // Мир русского слова, №4, 2000. С.57-65.

Тема 3. Межличностное общение: психосоциальные основы

1. Общение в структуре социального взаимодействия. Социальная регуляция речевого общения.
2. Определение социально ориентированного общения.
3. Правила социально ориентированного общения.
4. Стратегии и тактики социально ориентированного общения.
5. Речевые средства утверждения социального статуса.
6. Социальные компоненты в семантике слова.
7. Принципы толерантности в межличностном общении.

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. – М., 2001. Гл. 2. Проблемы социолингвистики. С.155-173.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб., 2004. Гл. 8.
- Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб., 2001. Раздел II. Глава 3. Речь в межличностном общении. С.45-67.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997 (или любое другое издание). Гл. 6. Психолингвистика восприятия речи. Гл. 16. Психолингвистика речевого воздействия.

Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. – Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2003.

Тема 4. Человек в культуре и языке

1. Понятие языковой личности.
2. Формирование языковой личности в онтогенезе.
3. Языковая личность и культура.
4. Гендерные различия в языке как отражение различий мужского и женского мировосприятия.
5. Языковая личность и национальный характер.
6. Метафора и символ как способы представления культуры и человека.
7. Стереотип в этнолингвистическом и социолнгвистическом аспектах.

Литература

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997. Гл. 4. Язык – Человек – Общество. С.111-134.

Гридина Т.А. Онтолингвистика. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2003. С.44-68, 75-87, 90-111, 115-131.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Национально-культурные стереотипы языкового сознания (на материале малых фольклорных жанров) // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. – М., 1997.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М., 2001. Лекция 8. Процесс социализации. Феномен языковой личности. С. 143-161.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001. Гл. 4. Лингвокультурный анализ языковых сущностей. Гл.5. Бытие человека в культуре и языке. С. 113-143.

Никитина А.В. Русская традиционная культура: Учебное пособие для иностранцев. – СПб., 2002.

О «трех китах» формирования языковой личности // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.122-127.

Толстая С.М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000.

Толстая С.М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. Гл.2.

Тема 5. Проблемы языковой политики

1. Понятие «государственный язык». Критерии определения языка как государственного.
2. Правовой статус негосударственных языков, их положение по отношению к государственному.
3. Проблемы двуязычия и культура. Пиджины и креольские языки.
4. Кодификация и совершенствование норм языка.
5. Государственная языковая политика, ее цели, реализация, соотношение с административной практикой.
6. Соотношение между языковой и этнической консолидацией.

Литература

Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000.

Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.20-26.

Арутюнов С. Этнические процессы и язык // Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб., 2001. С. 164-184.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социolingвистика. – М., 2001. Гл. 2. Проблемы социolingвистики. С. 115-144.

Бенедиктов Н.А., Бердашкевич А.П. О правовых основах государственной языковой политики // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.9-19.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб., 2001. Лекция 7. С. 98-115.

История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной году Украины в России. – Тюмень, 2003.

Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции. – Екатеринбург, 2000.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2003.

Русский язык как государственный язык России. Второе заседание Совета по русскому языку при правительстве РФ // Мир русского слова, №4, 2000. С.6-14.

Тема 6. Проблемы межкультурной коммуникации в современной России

1. Положение с русским языком на территории Российской Федерации.
2. Закон о языке и права человека.
3. Этические установки в речевой коммуникации.
4. Национально-культурная специфика речевого общения.
5. Проблемы межкультурной коммуникации в современных условиях.

Литература

Артеменко О.И. О положении с русским языком на Северном Кавказе // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.48-51.

Белоусов В.Н. О перспективах функционирования русского языка в культурном пространстве стран СНГ и Балтии // Мир русского слова, №4, 2000. С.109-113.

Есаджанян Б.М. Статус русского языка в республике Армения в контексте современности и система образования // Русский язык в Армении. №1, 1999.

Заочный круглый стол: «Языковая политика в многонациональной России и проект федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.27-35.

Костомаров В.Г. Без языка общее образовательное пространство – иллюзия // Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира. – Москва, Вашингтон, 1997.

Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурная специфика речевого общения и ее роль в диалоге культур // Русский язык и литература в Азербайджане, №2, 1998.

Матвеев В.И. К вопросу о характере языковой ситуации в современной Украине: документы, мнения, тенденции, факты // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. – М., 1996.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 1996. Гл. Национально-языковая политика. С. 117-131.

Мустайоки А., Протасова Е. «Мы» и «они»: русские и финны о финнах и русских // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.56-63.

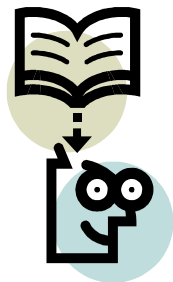
Самсонов Н.Г. О функционировании русского языка как государственного языка Российской Федерации в республике Саха (Якутия) // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.43-47.

Стернин И.А. Экспериментальное изучение категории *русский коммуникативный идеал* // Мир русского слова, №2 (15), 2003. С.53- 55.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

Ши Юнь Сяо. Перспективы обучения русскому языку в Китае с точки зрения новой языковой ситуации в России // Мир русского слова, №3, 2000. С.104-106

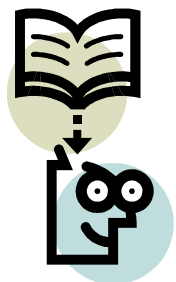
САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Темы рефератов и спецвопросов

1. Способы категоризации национально-го видения человека в языковых эталонах и стереотипах.
2. Способы экспериментального выявления культурно-идеографических полей, в которых человек наиболее продуктивно оценивает самого себя.
3. Человек в зеркале сравнения: этнолингвистический аспект.
4. Человек в зеркале сравнения: социоллингвистический аспект.
5. Аспекты исследования гендерных стереотипов в языке.
6. Сравнения и метафоры в детской речи.
7. Детское словотворчество как способ категоризации действительности.
8. Отражение ментальности ребенка в художественной литературе для детей (на примере одного из произведений по выбору студента).
9. Профессиональный жаргон как отражение современной языковой ситуации (на материале любой группы профессиональной жаргонной лексики).
10. Диалектная языковая личность (по словарным материалам или собственным наблюдениям).
11. Проблема билингвизма. Развитие «двуязычного» ребенка: психологические, социальные, этнические, культурные аспекты проблемы.
12. Этносоциоллингвистический анализ афористики.
13. Является ли русский язык международным? Каковы его перспективы в этом плане?
14. Соотношение понятий «языковая норма», «языковой стандарт», «языковая традиция».
15. Язык как символ национального возрождения. Различия в идеологиях национального возрождения.
16. Современная Россия через язык и культуру.
17. Традиционное и новое в речи теле- и радиоведущих.

18. Иноязычная стихия современной русской речи.
19. Проблема переименования и его мотивировки. Проблема мемориальных названий. Упорядочение топонимики на русском и национальном языках.
20. Система государственного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку.
21. Возможности Интернета в преподавании/изучении русского языка.
22. Языковые особенности sms-сообщений.
23. Современное деловое устное общение. Специфика профессиональной устной речи.
24. Функционально-коммуникативная вариативность языковых средств (на примерах по выбору студента: *тоже* или *также*, *разве* или *неужели*, *хотеть* и *желать*, *есть* и *кушать*, *должен* и *обязан* и т.п.).
25. Современный анекдот как отражение лингвокультурной ситуации в России.
26. Язык повседневного общения как отражение «языкового вкуса эпохи».
27. Речь спортивных комментаторов (наблюдения и интерпретация).
28. Речь ведущих телешоу: экранный имидж или ...?
29. Русский язык в средствах массовой информации.
30. Язык рекламы в свете современной языковой ситуации.
31. Национально-культурная специфика речевого этикета и вежливости.
32. Толерантность в русском речевом общении.
33. Концепт «толерантность» и его языковое выражение.
34. Языковые формулы благопожеланий и проклятий и их национально-культурная обусловленность.
35. Этническая толерантность как проблема современного российского общества.

МОДЕЛИ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Вариант 1. Анализ мифологемы как компонента языковой картины мира

Лингвокультурологические исследования обращены к области как духовной, так и материальной культуры, что обеспечивает возможность анализировать различные стереотипы сознания, представленные в языке. В качестве одного из базовых семантических компонентов русской национальной картины мира выступает *мифологема бани*. О ее значимости свидетельствуют, во-первых, ранние упоминания в памятниках древнерусской письменности (например, уже в Уставе 966 г. великого киевского князя Владимира); во-вторых, весьма значительный корпус идиоматических выражений, связанных с баней (только в словаре В.И.Даля их более 300!). Многочисленные описания русской бани включены в справочные издания для иностранцев. Мифологема бани, безусловно, является частью лингвокультурного сюжета, в который встраиваются фидеистические, социальные, эстетические, психологические и многие другие элементы мировидения русского народа.

В области современного гуманитарного знания понятие мифологемы¹ стало междисциплинарным, что, с одной стороны, приводит к размыванию его дефиниции, с другой – свидетельствует о согласовании разных парадигм: философской, культурологической, социологической, психологической, филологической при исследовании феномена общественного и индивидуального сознания.

Неоднозначность определения сущностных характеристик понятия «мифологема» можно, по-видимому, рассматривать как

¹ Понятие мифологемы как составного элемента мифологического сюжета введено в научный оборот Е.М. Мелетинским, предпринявшим описание классических форм мифа, анализ видов мифологических образов в литературе. См.: Мелетинский 1977, 2000.

следствие обращенности исследователей к разным аспектам этого феномена в русле исторически сложившихся школ изучения мифа: психологической (К.Юнг), ритуально-мифологической (Д.Фрэзер), структурной (К.Леви-Строс), структурной фольклористики (В.Я.Пропп).

В современном употреблении можно выявить следующие смыслы, включаемые в объем понятия «мифологема»:

(1) максимально большая смыслообразующая единица текста мифа (определение, по сути близкое к исходному, отражающее его семантико-функциональные параметры и используемое в современных исследованиях по мифологии);

(2) единица религиозного нарратива (в данном случае во внимание принимается одна из сущностных характеристик мифологема, отражающая ее связь с культом);

(3) цитата из библейского текста (такое понимание представляет лишь одну из частных разновидностей мифологема, используется в работах по лингвофольклористике и текстологии);

(4) элемент наивного представления о мире, выступающий как результат его когнитивного освоения (определение мифологема, обращенное к ее психоментальной сущности, характерно для современной когнитивистики);

(5) исходные образы и сюжеты в искусстве, основанные на традициях народной культуры и приобретшие статус символических (подход, характерный для культурологической и этнологической парадигмы исследований);

(6) лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания (мифологема в семиотическом ракурсе).

(7) некая первичная сюжетная схема, некая кросс-культурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов (определение, в обобщенном виде представляющее использование понятия «мифологема» в трудах по этнопсихологии, этнографии, фольклористике);

(8) стереотипы массового сознания, в том числе идеологические клише (подобный подход к использованию понятия «мифологема» характерен для современной социолингвистики).

Все приведенные выше определения апеллируют к особенностям ментальной основы мифологема. Наивно было бы предпо-

лагать существование в сознании современного носителя языка базовых мифологем пралогического мышления в исконном виде, однако тот факт, что они в трансформированном варианте «дожили» до наших дней, находит несомненное подтверждение в некоторых социально-культурных стереотипах. Не случайно самое активное использование в последние годы термин «мифологема» получил именно в рамках социолингвистических и лингвокультурологических исследований проблем обыденного сознания. Ср., например, учет в рекламных технологиях социальной мифологизации традиционных культурных феноменов (образов), что рассчитано на такие свойства массовой культуры, как претензии на формирование вкусов «большинства». Потребитель должен легко усваивать содержащуюся в рекламе информацию, а наиболее легко, как известно, усваиваются именно архаические образы, которые часто эксплуатируются рекламой. Практически любое рекламное сообщение апеллирует к архетипическим мифологемам, обращение к которым может быть не обязательно осознанным, так как автор и получатель информации находятся в одном культурном поле, где данная мифологема существует и однозначно декодируется. Архаические (мифологические) пласты есть в сознании любого человека как «знак культурной самоидентичности человека» [Лобок 1997: 27], поскольку «... вера в тот или иной миф есть главный признак принадлежности человека к миру той или иной культуры. ... Миф – это то, что позволяет человеку чувствовать себя уютно и естественно в своей культуре и не уютно и не естественно – в чужой» [Там же: 25].

Предварительные замечания позволяют рассматривать мифологему как операциональную единицу анализа культурно-национальной картины мира. Эта единица обладает многоуровневой иерархией смыслов: во-первых, она обращена в прошлое, ее основу составляют традиции национальной культуры; во-вторых, она отражает настоящее, реальность современной культурной ситуации, стереотипы коллективного сознания. Эти параметры мифологемы обуславливают необходимость обращения как к анализу мифо-ритуальной традиции, так и к интерпретации современных проявлений исходных архетипов. Предлага-

гаемая ниже модель лингвокультурного анализа мифологем базируется на следующих постулатах:

- Мифологические представления являются основой ритуалов, представляют их «мыслительную часть». Именно в мифологических представлениях заложено первичное практическое знание человека о мире, поэтому они выступают основой регламентации поведения отдельного индивида в соответствии с правилами, принятыми социумом.

- Мифологема как единица мифологических представлений синтезирует особым образом осмысленную реальность практического знания о предмете и сакральность ритуализованного образа предмета, сложившегося в сознании человека (в коллективном представлении).

- Мифологема может выступать в качестве единицы структурирования культурного текста, включающего элементы разных кодов: вербального, предметного, акционального и пр., что обусловлено сущностными свойствами мифа, который «... в качестве своеобразного способа освоения действительности ... характеризуется тем, что все вещи и явления воспринимаются в нем как сопричастные друг другу» [Исаев 2002: 88].

В соответствии с вышесказанным модель лингвокультурного анализа мифологемы можно представить следующим образом:

1. Семантическая структура «имени» мифологемы (по словарным дефинициям).

2. Современные социально-культурные стереотипы, представляющие мифологему.

3. Сюжеты-истоки (мифологические, фольклорные, бытовые).

4. Элементы мифа, формируемого данной мифологемой (система образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов).

5. Связанная с мифологемой идиоматика и ее интерпретация.

6. Трансформация семантики мифологемы: забвение, переосмысление, рождение новых смыслов и т.п.

Представим один из возможных вариантов лингвокультурного анализа мифологемы «баня».

Семантическая структура слова *баня* в процессе развития русского языка несколько видоизменилась. Так, в Словаре русского языка XI-XVII вв. дефиниция слова *баня* представлена следующими компонентами:

1. Источник, теплый минеральный ключ, озеро.
2. Место или сосуд для омовения.
3. Постройка, помещение для мытья.
4. Крещение, христианский обряд.

◇ Рожечные бани (*медиц.*) – то же, что банки [Вып.1: 70-71].

Первый и второй лексико-семантические варианты (ЛСВ) характеризуют исходное, этимологическое значение слова *баня*. Третий ЛСВ сопровождается обширным иллюстративным материалом, свидетельствующим о национально-культурной специфике описываемой реалии: *И рече имь: «Дивно видехъ бани деревянные. И пережгутъ и румяно и идуць в ню, изъволькутся и будутъ нази. И облиются квасомъ кислымъ и възмутъ на ся прутье младое и бьются сами»* (Пов. врем. лет). Четвертый ЛСВ комментируется через целые номинативные ряды для обозначения сакрального характера толкуемого слова: *Баня бессмертия (благодати, бытия, паки бытия, паки рождения), святая баня.*

В Словаре русского языка XVIII в. меняется и состав, и статус лексико-семантических вариантов в структуре значения слова *баня*:

1. Купание, омовение, мытье; вода для купания.

◇ Баня крещения, покаяния, пакибытия; божественная баня (омовение при крещении, крещение).

2. Ванна, чан (для прогревания, лечения).
3. Место, здание, где моются и парятся.
4. Минеральные источники, термальные воды.
5. Сосуд для нагревания (*хим.*).

◇ Дать (изготовить) баню. (*Простор.*) Наказать, разбранить [Вып.1: 96].

Отметим, во-первых, перемещение ЛСВ «минеральный источник», выступавшего в качестве основного в XI-XVII вв., на периферию семантической структуры при актуализации сакрального компонента значения и продвижении его к ядру; во-вторых, появление нового специального компонента значения

(*хим.*); в-третьих, развитие переносного значения, свидетельствующего об активном освоении языком ассоциативных компонентов значения.

Дальнейшее развитие значения слова *баня* идет, с одной стороны, по пути идиоматизации и специализации отдельных семантических компонентов, с другой – по пути утраты сакральных сем семантической структурой слова в современном русском литературном языке. Так, в БАС отмечены следующие компоненты значения слова *баня*:

1. Специальное помещение для обмывания тела теплой водой при высокой температуре.

◇ Белая баня – деревенская баня, обогреваемая печью с дымоотводом.

◇ Черная баня – деревенская баня, обогреваемая печью без дымоотвода.

2. Мытье в бане.

Перен. Задать баню – сделать выговор, избранить.

Доревол. Кровавая баня – преимущественно о массовых расстрелах рабочих и крестьян.

Хим. Прибор для равномерного нагревания при помощи горячей воды, воздуха и т.п.

Техн. Моющий раствор в промывной машине [Т.1: 270].

Национально-культурная отмеченность лексемы *баня* иллюстрируется тем, что БАС фиксирует отдельные этно- и социокультурные компоненты значения: *белая, черная, кровавая*. Однако наиболее ярко этнокультурная значимость слова представлена в народной ментальности, что подтверждается данными СРНГ, в котором «банная» дефиниция максимально культурноносна. См.: Баня. 1. Изба, в которой зимой девушки прядут.

2. Особый обряд перед венцом и после венца.

◇ Невестина баня. Перед венцом накануне большого смотренья невеста приглашает подруг, запасает вина, угощенья и идет мыться в баню. Из бани все собираются к невесте, которая за столом плачет под тон свадебных песен, а если плакать еще не умеет, то учится этому искусству.

◇ Женихова баня. Жених с товарищами устраивает попойку и справляет холостой вечер накануне большого смотренья.

3. Обрядовая песня на свадьбе.

4. Количество льна, набиваемого в баню для просушки, чтобы потом мять его [Вып.1: 97-98].

Кроме отмеченных компонентов, в СРНГ приводятся идиомы, включающие в свой состав производные от *баня*: *банная притка*; *банная бабушка*; *баннный хозяин*, *баннный бес*, *баннный пастырь*. Каждая из этих идиом связана с обрядом или ритуалом, существующим в традиционной народной культуре (см. ниже). В целом процесс функционирования мифологемы *баня* сопровождается развитием в ее семантической структуре большого количества фразеологически связанных значений с общей отрицательной оценкой. Ср., например, следующие ЛСВ, отмеченные в СРНГ:

- недобросовестно, нестарательно работать (*делать на банный угол*);

- об одежде, неудачно скроенной или сшитой (*как на банный угол*);

- о чем-, ком-либо невзрачном (*по-банному крыт*);

- болезнь от воображения (*банная притка*), венерическое заболевание, (*банное нечистище = сифилис*);

- *бран.* о грязнуле, нечистоплотной женщине (*банная запуха, банная затычка*);

- *бран.* о совсем глупой женщине (*банная дура*).

-2-

В разных культурных текстах мифологема бани имеет разные значения: бытовое, ритуальное, социальное, социокультурное и т.п. Современные представления о бане отражаются в стереотипных формулировках-регламентациях, связанных с посещением бани. Такие представления при несомненной общенациональной основе обнаруживают различия в плане соотношения утилитарного и сакрального отношения к бане у жителей Екатеринбургa, небольших городов Свердловской области и особенно у сельских жителей. Это вполне объяснимо: в основе мифотворчества, связанного с баней, лежат базовые концепты мифологического (пралогического) мышления, «поддержанные» мифо-ритуальной традицией, которая реализуется в системе народных праздников и обрядов. Подобного рода «культурные тексты» (термин С.М.Толстой), в значительной степени сохранившиеся в традиционной патриархальной культуре, практиче-

ски утрачены современной городской культурой и лишь спорадически восстанавливаются в культурном пространстве малых городов.

Для конструирования образа бани в сознании современных носителей русского языка нами были проведены свободный и направленный ассоциативный эксперименты, а также опрос-анкетирование студентов-филологов и культурологов дневного и заочного отделений Уральского госпедуниверситета в г.Екатеринбурге и представительстве г.Камышлова Свердловской области (в анкете указывалось постоянное место жительства: ОЦ – областной центр; РГ – районный центр, город; СМ – село, деревня, поселок). На первом этапе испытуемые должны были дать свободные реакции на слово-стимул *баня*. На втором этапе вносились ограничения в реакции: нужно было привести на то же слово-стимул реакции в виде связанных с ним устойчивых выражений. Наконец, на последнем этапе испытуемые должны были записать известные им правила-регламентации поведения, связанного с банными традициями, а также известные им ритуальные действия, предметы и образы, связанные с баней. Данные ассоциативных экспериментов частично будут представлены ниже, а результаты анкетирования в обобщенном виде можно свести к нескольким типам ответов:

- в бане надо пить много жидкости, натираться солью и потом париться свежим березовым или хвойным веником (ОЦ, РГ, СМ);

- в бане все болезни выпаривают (ОЦ, РГ, СМ), разными травами моются, и против каждой болезни свои травы в веник добавляют (СМ);

- в бане не едят. Современные диеты и лечебные голодания основаны на очищении организма разными способами, в том числе парятся в бане, а после ее посещения не едят от двух до двенадцати часов (ОЦ);

- в праздники в баню не ходят, особенно это касается больших христианских праздников Пасхи, Благовещения, Успения пресвятой Богородицы и др. (РГ, СМ);

- в баню ходят под Новый год (ОЦ, РГ);

- есть специальный банный день – суббота (ОЦ, РГ, СМ);

- крещенные в бане крест не снимают, считается, что в бане человек, снявший крест, отрывается от бога, т.к. это нечистое место (РГ, СМ);

- поздно вечером и ночью в баню не ходят, это опасно // страшно (СМ);

- в бане не моют грудных детей и вообще детей до крещения (СМ);

- на каменку не плюют, прыщи пойдут по лицу (СМ);

- после третьего пара в баню не ходят, угореть можно (СМ);

- парной веник не носят домой, оставляют в бане // два раза одним веником париться нельзя (РГ).

Как видно из приведенного перечня ответов, в обобщенном образе бани сосуществуют ее профанные и сакральные характеристики, причем отдельные представления о банных правилах появились буквально в последние годы под влиянием некоторых социокультурных факторов (ср., например, явно прецедентное высказывание «ходить в баню под Новый год», отсылающее к известному фильму Э.Рязанова «Ирония судьбы, или с легким паром»; ср. также: «в бане не едят» - высказывание, отдающее дань моде всеобщего похудения). Несомненным является преобладание сакральных характеристик бани в представлениях жителей сельской местности, хотя многие «правила» информантами не объясняются, поэтому в ряде случаев не представляется возможным говорить о знании пишущими причин той или иной регламентации, об актуальности в их сознании этнокультурной информации сакрального плана (это должно быть предметом специального исследования с использованием других методик).

-3-

Истоки многих современных представлений о бане можно обнаружить в древнейших народных верованиях, элементы которых встречаются в легендах, быличках, страшилках и других фольклорных текстах (см., например, работы Областного дома фольклора, изданные в рамках проекта «Традиционная культура Урала»), в материалах диалектологических и фольклорных экспедиций студентов УрГПУ, а также в иллюстративном материале диалектных словарей.

Можно выделить несколько блоков культурной информации, связанной с баней и лежащей в основе мифологических, бытовых, ритуально-обрядовых и фольклорных сюжетов:

А. «Баня в народных верованиях – нечистое место, где обитали демонические существа» [СД т.1: 38], особая порода домовых, которые называются *банник, банный, баенник, баенной, байнушко, лазник, банная бабушка, банный хозяин* и т.д. (несколько десятков наименований банных духов представлено в словарях уральских говоров и картотеках к ним). См., например, тексты, записанные в разных районах Свердловской обл.: *В этой бане блазило, хохочут все, а никого нет* (Устьянка, Пышм.). *Идёшь мимо бани в Святки: "Ой, иди-ко, шуликуны тебя поймают"* (Бабенки, Кушв.). *Вот как-то баба-то, говорит, хозяина-то [=мужа] проводила, всё тосковала об им, тосковала, потом пришла баню затоплять, а он будто тут, хозяин-от. А на другой-то день пошла затоплять-то баню-то, дак он её всадил в чугунку [=печку]. Пришли, а она в чугунке, умерла* (Замотаева, Сл-Тур.) – [ВЭС].

Б. Баня – место, где совершались некоторые семейные обряды, связанные с народным календарем сельскохозяйственных работ, а также свадебные, родинные, погребальные и др. Так, например, «мытье в бане накануне свадьбы выражало чистоту брачного ложа и вообще чистоплотность» [РО: 75], мытье после свадьбы – «честность молодухи и вступление ее в новый семейный статус» [ВЭС]. Родинный обряд также предполагал некоторые правила и запреты, известные сельским жителям до сих пор: *Ране вот родицу [=роженницу] не оставляли, нельзя рожать в бане было одной. Ребёнка перемят* (Замотаева, Сл-Тур.). *Раньше рожали в бане всё... Я слыхала: в бане родили ребёнка, его не вымыли, ничё, и она ушла домой печку топить. И потом пришла, и он омен. Он уже не походит на ребёнка-то. Он не вымыт и не перекрещён. И сколь он жил, и он всё равно помер... В бане-то нельзя оставлять. Баня-то поганая* (Бутка) - [ВЭС]. Традиционно незамужние девушки собирались в бане для совместной работы: пряли, плели кружева, вязали, вышивали, - готовили приданое. Вся семья должна была мыться в бане перед началом больших хозяйственных работ (севом, сенокосом и т.п.).

В. Баня – место магии и знахарства, лечения народными средствами (изначально на Руси бани именовали «заведениями для немощных», т.е. больных). В городских банях вправляли суставы, лечили вывихи, делали кровопускания, в деревенских банях лечили практически все болезни, изгоняли лихорадку, снимали порчу и т.п. Ср.: *Наешься луку, ступай в баню, натришь хреном да запей квасом – вся хворь пройдет // Баня - мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь.* Существовала целая система лечебных заговоров, произносимых именно в бане, где можно «смыть болезнь» вместе с водой. Например: «*Уроки и все банные притки, сойдите с (имярек) и пойдите в нечистые воды*».

Г. Баня – место традиционных народных девичьих гаданий, которые были приурочены к Святкам, Рождеству или к какому-либо переломному моменту в жизни. Отворив немного дверь бани, девушки обнажали некоторые части тела, подходили к двери поочередно и говорили под прикрытием сумрака ночи фразу с предложением домовому прикоснуться рукой к обнаженной части тела. Если девушка чувствовала руку мохнатую, то предполагался богатый жених в этом году, холодная голая рука означала жадного жениха, шершавая – характерного и т.д. [РО: 17]. Ср. сохранившиеся до сих пор на Урале гадальные традиции: *Ну и вот, тоже на Новый год пошли здороваться в это окно [в бане]: если мохнатая рука будет, значит, жених богатой будет. Если голая рука будет, значит, беденький будет. Девки-то чё, сходили, а последняя пошла – мохната рука схватила да и держит, и она заревела на лихой мат [=очень громко, изо всех сил], а мы все драпу оттуда... А парни зашли там да и здоровались (Шушары, Байк.). Баню откроют вот, задницу уставят. Это, говорит, шубенкой [=рукавицей из меха] пощупат, дак взамуж выйдешь, вот ведь смешно, девки. Ума ведь не было (В. Тура, Кушв.). Плешиут на каменку воды, как закипит – это плохая свекровь будет, а тихо – так тогда хорошая (Лиханова). А в бане – там так представлялись [=забавлялись, дурачились]. Вот я [просватанная невеста] седу на порог. Девчонки все там встанут рядом, заставят меня. А так самим попреставляться надо. "Ну-ко, бросай веник. Защуривайся [=закрывай глаза], бросай веник". Бросаю, бросаю. В*

которую попаду, та и взамуж уйдёт (В. Тура, Кушв.) – [ВЭС]. Наиболее популярными были гадания в бане с использованием нескольких зеркал и золотого кольца. Это гадание считалось самым страшным, но самым «надежным».

-4-

Анализ мифологемы бани предполагает включение в ее семантическое пространство традиционной системы образов, ритуальных действий и атрибутов, которые обуславливают реализацию основных мифологических мотивов, связанных с этим феноменом.

Мифологическое сознание, ориентированное на связь субъекта с виртуальной «реальностью», служит основанием для построения поведенческой модели взаимодействия с этой реальностью.

Образы, вписанные в «банный» мифологический сюжет, демонстрируют антропоморфизацию (реже – зооморфизацию) «параллельного» пространства: существам, заполняющим это пространство, приписываются качества и внешний вид человека (или животного). Ср., например, «типовые» персонажи русской бани:

Банная бабушка – мифическое существо, обитающее в бане: дряхлая добрая старушка, лечит от всех болезней. Появление банной бабушки иногда непосредственно связано с родами: она сопровождает роженицу ребенка. По-видимому, это сверхъестественный «двойник» бабушки-повитухи; одновременно это и дух «бани-целительницы и бани-восприемницы» [ВРС: 29].

Баянная матушка, банная староста – старшая над другими хозяйка бани, которая, если ее задобрить по всем правилам, охраняла моющегося в бане от других банников, «давала правильный» пар без угарного дыма.

Банница, банника – злой дух, старается запарить человека до смерти.

Спустил Иисус на землю бесов, в воду – водяного, в лес – лесного, в баню – банницу, в овин – подовинницу, в дом – суседка (легенда). Тавд. Свердл. *Старые люди слышали: как выйдешь из бани, а там еще хлещутся, парятся; это никто как банница* (Гарин. Свердл.) – [СРНГ].

Баннный хозяин, бес, пастырь – злой или добрый дух, живущий в бане. *Играли раз в саду днем ребятишки и распустили слух, что в бане видели чертей, банных анчуток. Если в бане три ватаги вымылись, четвертой не полагается идти - пугает. Он удушает человека, который в бане без молитвы станет один париться в бане ночью или уснет там. Банной, если родильницу одну оставить в бане, сдерет с нее кожу.* Им пугают ребенка: *«Вот баннный съест тебя, не балуй!»* - [СРНГ].

Банник – дух, хозяин бани. Чаще всего невидим и обнаруживает себя шумом. Может превращаться в кота, собаку, лягушку, зайца и даже в веник и уголь. Обычно обитает под полком, поэтому просили разрешения помыться, приговаривая: «Крещеный на полок, некрещеный с полка» [ВРС: 34].

Обдериха – дух бани, опасная хозяйка бани, душит, задирает моющихся, подменивает оставленных в бане без присмотра детей, особенно тех, кого еще не окрестили. Обдерих может быть в бане столько, сколько вымыто в ней новорожденных. В поверьях XIX-XX вв. она по преимуществу - персонифицированная опасность, подстерегающая людей в жарко натопленной бане [ВРС: 361].

Обмен – ребенок, которого мать на какое-то время оставила в бане одного, и его подменили, как правило, такие дети долго не живут и приносят семье одни несчастья. По некоторым поверьям, обмен – это ребенок, которого обменяли в бане на чертёнка или головешку.

«Поверья о бане как о месте контактов с нечистой силой определяли особый характер отношения к ней. Перед входом в баню крестились ... в бане следовало вести себя осторожно: нельзя было громко говорить, ругаться, смеяться, хвастаться» [СД т.1: 140]. Существуют специальные правила общения с духом бани: *Банному чисто выметают баню. Когда желают баню истопить, спрашивают у него разрешения* [СРНГ]. В традиционной народной культуре регламентированным является каждый шаг, связанный с баней. Ср., например, серию заговоров, представляющих собой вербальные предписания ритуальных действий, сопровождающих все этапы посещения бани:

- чтобы в бане ничего не пристало: «Аминь, крови моей, аминь, думы моей, аминь, тела моего» [РЗ: 306];

- когда будешь мыться в бане, нальешь тазик воды и плесни на себя со словами: «Водица-царица, я беру тебя не для хитрости, не для мудрости, а для исцеления раба Божьего (имя). Аминь» [РЗ: 305];

- веник парить, приговаривать: «Как березка цветет, кудрявится, так чтобы раба Божья, так же бы цвела и кудрявилась» [РЗ: 306];

- когда окатываешь, три раза надо сказать: «Как с гуся – вода, так – вся худоба: что было до банюшки, нет после банюшки. Как любишь водицу, так любите раба Божьего (имя) весь народ» [РЗ: 307];

- когда в бане помылся, надо говорить: «Банюшка-парушка, чистая хоромушка, спасибо, помыла, спасибо, попарила, тебе – на стояньице, мне – на здоровьице» // Спасибо, банюшка-парушка, за легкий пар» [РЗ: 306];

- как из бани идешь, эту молитву надо читать, Три раза надо сказать: «Иду я, раба Божия, из бани в восточную сторону. Тут – огненна река, железный тын. Божия мати Мария со мной, заперла в этот тын, Иисусу Христу ключи отдала – от болей, от скорбей, от лихих людей. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь» [РЗ: 306].

Главное, что вытекает из всех приведенных выше характеристик феномена бани в русской культуре, – это ее связь с разного рода ритуалами (бытовыми, фидеистическими, культурными, хозяйственными и т.п.). Отношение русского человека к бане как к ритуалу, как к чему-то сокровенному, волнующему, стоящему над бытом и его суетой удивительно точно показано в рассказе В.М. Шукшина «Алеша бесконвойный».

Баня для героя – это главное в жизни, не мирское, не суетное, ради нее можно отказаться от всего: *Что же он (Алеша) делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего...Раньше, бывало, до ругани дело доходило: надо то сделать, надо это сделать – не день же целый баню топить! Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом! «Что мне, душу свою на куски порезать?!» - кричал тогда Алеша не своим голосом.*

Баня – праздник души, светлая радость: *В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня суббота. И сразу у него*

распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел. ...В бане сумрачно и неуютно пока, но банный терпкий, холодный запах разбавился уже запахом березовых поленьев – тонким, еле уловимым. Это предвестье скорого праздника. Сердце Алеши нет-нет да и подмоет радость.

Баня – это ритуал, состоящий из продуманного ряда последовательных действий, выполняемых с особым чувством: Он колот дрова аккуратно, с наслаждением. Разжигать – тоже милое дело. Алеша даже волновался, когда разжигал в каменке. ... И вот это тоже очень волнующий момент – когда разгорается. Ах, славный момент! ... Алеша вытерся и с легкой душой пошел в дом.

Баня – это ритуал, в котором каждый предмет имеет свою значимость, Особое отношение к ритуальным предметам выражается и серией деминутивов (для подготовки бани у него был заготовлен голичок, песочек в баночке), и олицетворением предметов, с которыми Алеша разговаривает, как с живыми (Каменка ахнула. Жар сцепился в уши. Веничек шепотком, шепотком пока. Листочки, точно маленькие горячие ладошки ... раззадоривали. - Ишь ты ...какой, - говорил он ласково чурбаку. – Атаман какой), и прямым указанием на сакральную сущность предметов (Чистота сокровенная поленьев, и дух от них – свежий, нутряной).

Баня – это ритуал, который изменяет состояние человека. Понимание «души» предметов, проникновение в ее суть приводит героя к истинной гармонии с самим собой и с окружающим миром: Какой желанный покой на душе! Был он (Алеша) весь новый, весь парил ... Мир вокруг покачивался согласно сердцу. Вселилась в душе некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной.

-5-

С мифологемами связано, как правило, значительное количество афоризмов, образных сравнений, фразеологизмов, пословиц и поговорок, примет, так как идиоматика в силу своей устойчивости «приспособлена» для выражения стереотипов коллективного сознания.

Рассмотрим характер реализации семантической структуры слова баня в составе устойчивых сочетаний. Идиоматика, свя-

занная с баней, отражает традиционные представления о ней (см. п.3. блоки культурной информации).

Баня – вторая мать. Выражение связано с обрядом рождения ребенка в бане, где производились магические действия над роженицей и новорожденным младенцем: их парили, купали, обливали водой, произнося при этом заговоры на здоровье от хворей и сглаза. Ср. также широко употребительное после бани *как заново родился* // *В бане мыться - заново родиться.*

Нужен как на бане крест – абсолютно не нужен. Сравнение имеет мифологический подтекст: в нем обыгрывается несовместимость «нечистого» пространства (бани) с атрибутом «чистого» пространства (церкви) в виде креста.

По рукам, да и в баню. Дай бог любовь да совет! – формула сговора, произносимая сватами перед смотринами. *По рукам, да и в баню. Репа продана, и воз накрыт* – формула, произносимая после смотрин, когда было достигнуто согласие обеих сторон. Выражение сохранилось в активном употреблении в редуцированном виде (*по рукам, да и в баню*) с общим значением «выражение согласия», безотносительно к свадебному обряду. Ср. также выражение *Черт с тобой, не живи со мной, пойдём в баню да разведемся*, изначально соотносимое с обрядом предсвадебной и послесвадебной бани, где баня выступала в функции сакрального локуса, в современном употреблении теряет свои сакральные коннотации и соотносится, скорее, с просторечным бранным: «*Иди ты в баню!*».

Задавать /задать баню. В основе оборота лежит применение банной пытки в средневековой Руси: провинившегося сажали в баню, обливали его попеременно горячей и холодной водой, поддавали пару и не давали пить. Угроза, содержащаяся в переносном значении устойчивого сочетания, восходит к представлению о мытье в бане как добровольном мучении. Моющийся в бане поддает пару, плеская ковшом воду или квас на раскаленные камни в печи; залезает на полок, где особенно жарко, и хлещет себя распаренным березовым веником. «И до того себя дохлестывают, - написано в древнерусской летописи, - что вылезают из бани едва живыми. Но, облившись холодной водой, они оживают вновь». Баня, следовательно, становится своеобразным символом мучений. Негативность семантики фраземы

вытекает не только из имевших место пыток в бане, но и в не меньшей степени – из комплекса этнокультурных сведений: 1) о бане как опасном, «нечистом» месте; 2) о бане как месте обитания злого, враждебного людям духа – банника; 3) о применяемых в бане радикальных приемах народной медицины, внешне напоминающих битье, избивание [РФ 2005: 43-44]. Употребление фраземы со значением «сильно ругать кого-либо, делать выговор кому-либо, бить кого-либо» в современной речевой практике лишено сакральных характеристик (= десакрализовано).

С легким паром! В современном употреблении – это этикетная формула приветствия или пожелания доброго здоровья тому, кто только что попарился или помылся. Выражение практически десемантизировано.

-6-

В целом можно отметить, что десакрализация и десемантизация – это два основных процесса, характеризующие функционирование мифологемы *баня* в речевой практике современного города, что свидетельствует о трансформации семантики мифологемы и переводе ее в область социального стереотипа, социальной мифологии. Социальная мифология – типичные для индивида, идентифицирующего себя с определенной социальной группой представления, привлекательные для создания и/или поддержания соответствующего образа (статуса). Этот образ старательно поддерживается рекламой рынка банных услуг (массаж, оздоровительные процедуры, тренажерные залы, фитотерапия, рациональное питание и пр.), предлагаемых в особенно распространенных в наше время VIP-саунах с «заданным» имиджевым репертуаром процедур.

Как отмечается в лингвокультурологическом пособии для иностранцев, «... сейчас ритуал хождения в баню – особое удовольствие, сопровождаемое общением с друзьями и нередко – выпивкой. ... Баней «угощают» самих близких и дорогих друзей. ... Баня для русских – это хобби, увлечение, оздоровительное мероприятие. ... Сейчас русская баня – это часто своего рода клуб состоятельных «продвинутых» людей... Приглашение в баню будущего делового партнера нужно воспринимать как акт особого расположения к вам, как приглашение к неформальному дружескому общению, сближению, к уничтожению психоло-

гических барьеров и предубежденности» [Сергеева 2004: 51-52]. Традиция восприятия бани как культурно-бытового, культурно-досугового центра очень точно представлена в описании Владимира Гиляровского. Приведем некоторые фрагменты из его книги «Москва и москвичи», иллюстрирующие значимость выделенных нами выше типов культурной информации, связанной с феноменом бани в русской культуре:

«Единственное место, которого ни один москвич не миновал, - это бани. И мастеровой человек, и вельможа, и бедный, и богатый не могли жить без торговых бань. Каждое сословие имело свои излюбленные бани. Богатые и вообще люди со средстами шли в "дворянское" отделение. Рабочие и беднота - в "простонародное" за пятак.

"Дворянское" отделение было устроено с неслыханными до этого в Москве удобствами: с раздевальной зеркальной залой, с чистыми простынями на мягких диванах, вышколенной прислугой, опытными банищиками и банищицами. Раздевальная зала сделалась клубом, где встречалось самое разнообразное общество, - каждый находил здесь свой кружок знакомых, и притом буфет со всевозможными напитками, от кваса до шампанского. В этих банях перебивала и грибоедовская, и пушкинская Москва, та, которая собиралась в салоне Зинаиды Волконской и в Английском клубе.

Потом в банях появились семейные отделения, куда дамы высшего общества приезжали с болонками и моськами. Горничные мыли собачонок вместе с барынями... Самыми главными банными днями были субботы и вообще предпраздничные дни. В "дворянских" отделениях был кейф, отдых, стрижка, бритье, срезание мозолей, ставка банок и даже дерганье зубов, а "простонародные" бани являлись, можно безошибочно сказать, "поликликой", где лечились всякие болезни. Медиками были фельдшера, цирюльники, бабки-костоправки, а парильщики и там и тут заменяли массажисток еще в те времена, когда и слова этого не слыхали. Цирюльники "открывали кровь". Еще в восьмидесятых годах на окраинах встречались вывески с надписью: "Здесь стригут, бреют, ставят пиявки и пуцают кровь". Такая вывеска бывала обыкновенно над входом, а по его сторонам обычно красовались две большие длинные картины, показы-

вавшие, как это производится. На одной сидит человек с намыленным подбородком, другой держит его указательным и большим пальцами за нос, подняв ему голову, а сам, наклонившись к нему, заносит правой рукой бритву, наполовину в мыле. На другой стороне сидит здоровенный, краснорожий богатырь в одной рубахе с засученным до плеча рукавом, перед ним цирюльник с окровавленным ланцетом - значит, уж операция кончена; из руки богатыря высокой струёй бьет, как из фонтана, кровь, а под рукой стоит крошечный мальчишка, с полотенцем через плечо, и держит большой таз, наполовину полный крови. "Открывание крови" было любимой операцией крючников, ломовиков, мордастых лихачей, начинавших жиреть лавочников и серого купечества. В женских банях было свое "лечение". Первым делом - для белизны лица - заваривали в шайке траву-череду, а в "дворянских" женщины мыли лицо миндальными высеvkами. Бабки-костоправки работали только в "простонародных" банях. Бабки в жизни бань играли большую роль, из-за бабок многие специально приходили в баню. Ими очень дорожили хозяева бань: бабки исправляли вывихи, "заговаривали грыжу", правили животы как мужчинам, так и женщинам, накладывая горшок.

Если сравнить роль бани в традиционной народной культуре и в современном культурном пространстве, можно обнаружить существенные различия. Так, одни функции бани, значимые для традиционной народной культуры (средство лишения богатыря его богатырской силы, место проведения обряда, ритуала), совершенно не востребованы сегодня; другие (место гадания, магии и знахарства) сохраняются лишь в некоторых районах, преимущественно в сельской местности; третьи (способ, средство и место лечения) переосмысляются в соответствии с модой и другими социокультурными факторами. Анализ ассоциативного поля «баня»² показал, что ядерными для современных горожан являются предметные и предикативные ассоциаты, характеризующие элементы банного пространства: *пар, париться, парилка, веник, мыться, мыло, мочалка, угореть, угар, каменка, по-*

² Приводятся данные, основанные на результатах описанного выше свободного и направленного ассоциативных экспериментов.

лок, тазик. Ассоциативное поле включает множество ассоциатов социокультурного плана: дача, пиво, тусовка, общаться, выводит шлаки, суббота, по-черному, массаж, массажист, душевное пиво, «натопи ты мне баньку по-белому», сауна, Первомайка, бассейн, на Куйбышева, расслабуха, банный день, кайф и др.

Для современного городского жителя значимой становится баня как место общения, культурного досуга и оздоровительных процедур. Приведем наиболее часто встречающиеся ответы информантов, живущих в Екатеринбурге: баня – это *«место, где отдыхаешь душой и телом»; «парилка»; «можно расслабиться»; «место, где можно привести себя в порядок»; «сюда приходят пообщаться»; «самое главное для нас – это здоровый пар!»; «очень люблю париться березовым веником»; «чувствуешь себя так, будто заново родился»; «это прекрасное средство для снятия нервного напряжения, стресса, которыми так насыщена наша современная жизнь»; «можно пивка попить»; «для возвращения работоспособности после тяжелой физической работы»; «очищенная кожа как бы молодеет»; «поговорить не на бегу»; «это средство укрепления здоровья»; «позволяет постепенно, без вреда для здоровья согнать лишний вес»; «где мы тусуемся в выходные»; «вывод шлаков из организма»; «тренировка сердечно-сосудистой системы»; «прекрасное средство для снятия нервного напряжения, стресса»; «дает заряд положительных эмоций»; «парная снимает утомление, которое постепенно накапливается в организме»; «с помощью лекарственных трав в бане лечат многие болезни».*

Совершенно очевидно отсутствие в составе ассоциативного поля сакрального компонента, и лишь последний ответ в какой-то степени можно рассматривать как отсылку к одному из исходных этнокультурных компонентов семантики мифологемы «баня». Таким образом, налицо трансформация смысловой структуры мифологемы: забвение одних и переосмысление других базовых культурных компонентов, рождение новых смыслов и их социальная мифологизация.

Предложенная в работе структура лингвокультурного анализа мифологемы, включающая как языковые, так и внеязыковые параметры описания культурно маркированного явления, отра-

жает представления социума о характере использования обозначаемого как предмета культуры, что является весьма существенным для подобного рода интерпретации.

Литература

Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997.

Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора. – М., 1977.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 2000.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004.

Источники материала и словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. Т. 1. – М.,-Л., 1956.

ВРС – Власова М.Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб., 2000.

ВЭС – Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. – Екатеринбург, 2000.

Гиляровский В. Москва и москвичи. – М., 1979.

Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М., 2002.

РЗ – Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. – М., МГУ, 1998.

РО – Русские обычаи, обряды, предания и суеверия /Сост. А.В. Копылова. – М., 2003.

РФ – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь /Под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2005.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – М., 1995

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1. – М., 1975.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. – Л., 1984.

СРНГ – Словарь русских народных говоров /Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 2. – М. – Л., 1966.

Шукин В.М. Избранные произведения в двух томах. Т.1. – М., 1975.

Вариант 2. Этнолингвистическая модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре

Лексикографическое представление семантики культурно маркированных языковых единиц в этнолингвистическом ключе возможно в разных вариантах: во-первых, в виде энциклопедического описания традиционной культуры народа или близкородственных народов по данным мифологии, этнографии, фольклора, народных промыслов и т.п. с целью сравнительно-исторической интерпретации и реконструкции архаической картины мира (см., например словарь «Славянские древности» под ред. Н.И.Толстого); во-вторых, в описании локальной культурно-языковой традиции по данным народной обрядности, фольклора (в таком плане выполнен, например, «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» И.А. Подюкова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипова); в третьих, через анализ базовых концептов культуры (например, «Константы: словарь русской культуры» Ю.С.Степанова) или через выявление закрепленных в языковом знаке культурных смыслов (отдельные фрагменты такой модели обнаруживаются в словарях разных типов) и некоторые другие. Такой широкий лексикографический «репертуар» объясняется разными подходами к определению предмета и задач этнолингвистики. См. обзор существующих в настоящее время представлений о предмете и задачах этнолингвистики в [Березович 2000: 3-10].

В данной работе принимается узкое определение предмета этнолингвистики, суть которого можно представить ставшей уже устойчивой формулой «язык как зеркало народной культуры». Ср.: «Этнолингвистика в суженном и специальном понимании является той отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т.п.» [Толстой 1995: 4]. Такой подход предполагает интерпретацию языковых единиц как культурного текста. Продуктивным в этом смысле представляется подход к тексту как к семиотическому коду передачи культурно значимой информации.

По определению Р. Барта, текст есть «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки

зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку» [Барт 2001: 170]³. Этнолингвистическая модель представления культурных смыслов характеризуется снятием с текста ограничений вербальными рамками. Н.И. Толстой объясняет такой подход следующими обстоятельствами: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае ... под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода или три стороны языка — вербальную, реальную (предметную) и акциональную (действенную)» [Толстой 1995: 15-16].

Показателем культурной значимости текста является, таким образом, не только форма языкового знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включен вербальный текст, что должно найти отражение в лексикографическом представлении культурного текста.

Отметим некоторые существенные параметры культурного текста:

³ В обобщенном виде семиотический подход можно представить формулой: весь окружающий мир – некое единство равноуровневых текстов. М.Б. Храпченко называет такое расширение объема понятия, когда любой знак называется текстом, «дурной бесконечностью» [Храпченко М.Б. Текст и его свойства // Вопросы языкознания, 1985. №2. С. 6]. Однако некоторые методологические основы семиотического подхода к определению текста стали востребованными современной лингвокультурологией, этно-, социолингвистикой и рядом других смежных с лингвистикой областей научного знания, непосредственно связанных с исследованиями текста, соединяющего пространства языка и культуры.

- соответствие традиции, выступающей в качестве «культурной памяти» [Гаспаров 1996] этноса;
- устойчивость, которая проявляется в наборе символов, клишированных формулах, традиционных мотивах, значимых для данного этнокультурного пространства;
- вариативность, проявляющаяся в выборе лексического наполнения структур, в территориальной и временной изменчивости, в соотносительности отдельных компонентов с разными символами и ситуациями, в возможности передачи одного и того же содержания разными средствами;
- комплексность в представлении культурной семантики средствами разных кодов.

При выборе способа толкования знака следует, по-видимому, учитывать две ситуации: 1) культурно значимая информация об обозначаемом может быть формально выражена (внутренней формой слова или номинативного словосочетания, культурно маркированными онома, языковыми единицами, представляющими базовые концепты культуры и т.п.); 2) культурно значимая информация формально не выражена.

В первом случае возможность «считывания» этнокультурной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода фактов достаточно интерпретации их внутренней формы, денотативной «привязки» и/или пояснения их системных (внутрипарадигматических или межпарадигматических) связей, поскольку культурный компонент составляет основу семантики этих единиц. Ср., например:

а) толкование через отсылку к культурно маркированному мотиватору: «*Баевка* – трава, с помощью которой «бают» знахарки, измеряют ее «шепотками» для заговоров (ср.: баить – шептать, знахарить, заговаривать. В Даль) при лечении головной боли, золотухи, простуды [Коновалова 2000: 24];

б) выявление базовых культурных смыслов через «денотативные»⁴ компоненты: «*Привидения*. В славянской демонологии они являются духами умерших неестественной смертью, самоубийц и грешников. Могут принимать образ человека, ребенка, девушки или женщины, а также животного, гусыни, лебедя или человекообразной фигуры с козьими ногами» [Капица 1993: 2007];

в) через анализ системных связей единиц одной парадигмы: «В севернорусской топонимии устойчиво фиксируется антитеза *святой – чертов*: оз. *Святик* – оз. *Чертик* [Котл.]; оз. *Святое* – оз. *Чертовое* [Прим.]; оз. *Святое* – оз. *Чертова Яма* [Бел.]; о-в *Святой* – мыс *Чертов* [Ваш.]; пок. *Святицы* – омут *Чертова Яма* [Кад.]; д. *Святица* – д. *Чертуголье* [Тот.]; д. *Святая Лука* – бол. *Чертоугольное* [У-Куб.]; родник *Святой Ключ* – руч. *Чертовик* [Хар.]» [Березович 2000: 232-233].

Другой вариант семантизации выбирается, если лексические маркеры культурных смыслов отсутствуют (речь идет, в частности, об общеупотребительных словах, приобретающих культурные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами, или о предметах, действиях, признаках, выступающих в качестве символов определенного ритуала, обряда). Лексикографическая фиксация должна при этом учитывать широкие внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Ср.: «Для установления полного взаимопонимания между отправителем и получателем недостаточно лингвистически оформленного сообщения. Для слушателя необходима опора, которую он находит в таком существенном экстралингвистическом факте, как «пресуппозиция». Пресуппозиция охватывает все то, что должно иметься в сознании получателя лингвистически оформленного сообщения, все то, что лежит за пределами этого сообщения, имея, однако, к нему определенное отношение, и что может гарантировать правильное и исчерпывающее понимание сообщения» [Реферовская 1983: 7]. Существенное значение для интерпретации такого рода

⁴ Применительно к таким «симулякрам», как демонологемы, понятие «денотативный» компонент значения применяется условно, поскольку объектом номинации является виртуальная реальность.

культурных текстов имеет обращение к фольклору и живой разговорной стихии, к диалектному материалу, к народной идиоматике, которые позволяют воспроизвести символическую ситуацию, условное пространство функционирования культурного текста.

Так, представление формально не выраженных культурных смыслов может выглядеть следующим образом: *Бабий переполох*. Номинативные варианты: *девичий переполох*, *страхополох*. Колючник обыкновенный. Травянистое растение с прямым длинным стеблем, зубчатыми очень колючими листьями и лилово-пурпурными цветками. Растет на сухих опушках, лугах. Контексты употребления: *У меня соседка как-то вяжет ли чё делат ночью, в окно стукнули, она выглянь возьми, а там свинья высунулась, дак соседка потом болела рожей, вот бабий переполох помог, а так страх как выгониш?* (1, Камышл.). Культурологическая информация эксплицирует пресуппозиции, связанными с традициями народной медицины и представлениями людей о причинах болезней: В некоторых местах считается, что одной из причин женских болезней является испуг от «насыльного беса», который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появляется перед женщиной, засидевшей за полночь за домашней работой. Следствием такого испуга может быть умопомрачение, различные воспалительные заболевания, излечить которые можно только колючником: его запаривают вместо чая, колот им пятки больной, развешивают вокруг кровати, чтобы «насыльный бес» больше не приближался и не усугублял болезнь своими издевательствами [Коновалова 2000: 22].

Выявление культурных смыслов может осуществляться через указание символических функций обозначаемого: *«Деревянный (сухой) огонь*. Огонь, добытый трением двух сухих кусков дерева. *Деревянный огонь поддерживают летом около деревень, так как, по мнению крестьян (и многих инородцев Сибири), он помогает от падежей скота.* (Пятканов и Зобнин, 1890). *Думали: сухой огонь помогает. От березы брали два столбика, терли один об другой, доставали деревянный огонь»* [ФСРГС 1983: 125]. Характеристика денотативной отнесенности не выявляет культурного компонента семантики, контексты малоинформативны, раскрывают только мотив наименования. Автор словаря

«вписывает» диалектную фразу в широкий культурный контекст, приводя сведения о символике деревянного огня в хозяйственной обрядности.

При семантической диффузности символа описывается круг наиболее значимых культурных функций с приведением типовой метафоричности и идиоматики: «*Амбар*. Др.-рус. *житница*, хранилище жита, связанное в ритуально-магической практике с обеспечением урожайности и плодородия... В амбаре совершались продуцирующие и апотропейные действия, связанные преимущественно с жнивной, новогодней, иногда свадебной обрядностью. Широко распространен обычай хранить в амбаре жатвенную «бороду» - последний сноп или венок жатвенный... Полный амбар – метафора хорошего урожая и богатства (ср. рус. *полные закрома*)... Существует обычай открывать амбар в определенные календарные даты, например, у болгар в рождество, чтобы в новом году был хороший урожай. Считается, что колдуны и колдуньи раскрывают свои амбары во время молотбы или когда делают пережин, чтобы хлеб мог сам с полей сыпаться в сусеки (костром.). У восточных славян в амбаре молодожены иногда проводили первую брачную ночь» [СД, т.1: 104-105].

Таким образом, этнолингвистическая модель представления в словаре культурных смыслов языковых единиц должна, на наш взгляд, включать в качестве основных параметров:

а) характеристику их денотативной отнесенности, при этом в особых комментариях нуждаются полифункциональные предметы, атрибуты и действия, которые могут в одних ситуациях выступать как обыденные, в других – как культурно маркированные;

б) характеристику системных связей единиц (в частности, через выявление наборов системно значимых семантических оппозиций культурного знака);

в) показания языкового сознания – психологическую реальность представленности значения в сознании носителей языка – с учетом констант русской ментальности, закрепленных, в частности, в языковой идиоматике и выявляемых в контекстах;

г) возрастную, территориальную, гендерную, социальную отнесенность культурной информации (данный компонент се-

мантизации значим при описании дополнительных, периферийных признаков, в разной степени актуальных для носителей языка);

д) «вписанность» значения в широкий культурный контекст через ритуал, обряд, обычай, фольклор и т.п., что особенно важно для интерпретации семантики общеупотребительной лексики, приобретающей культурную значимость лишь в комплексе с другими средствами передачи культурной информации.

е) интерпретацию символических смыслов, присущих языковым единицам в определенном культурном континууме, их соотношенных с символикой других кодов, моделирующих культурный текст.

Литература

Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М., 2001. С. 170.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000. С. 3-10.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. Л., 1983. С. 7.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С.34.

Источники материала и словари

Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. М., 2003. С. 97.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С.24.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь /Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 104-105.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири /Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983. С. 125.

Вариант 3. Анализ языкового воплощения стереотипов русского национального сознания (на материале представлений о болезни)

*Что русскому здорово,
то немцу смерть*
(В.Даль)⁵

Народные представления о болезни, нашедшие отражение в русской языковой традиции, основаны на логике мифологического мышления, базирующейся на вере в магическую силу слова, обряда, действий с предметами, с помощью которых можно изгнать болезнь и излечить больного. Все компоненты семантического пространства «болезнь» ритуализованы и направлены на «завораживание болезни». К таким компонентам, структурирующим семантическое пространство «болезнь», можно отнести образ болезни, ее название, причины, название лекаря, симпатическое средство (название растения, название обряда, ритуального предмета и т.п.), заговоры и другие вербальные формулы, выполняющие суггестивную функцию.

Чаще всего болезнь представляется в антропоморфном или зооморфном облике: это может быть женщина, красивая или безобразная, костлявая беззубая и/или безглазая старуха; змея, жаба, червь, козел, свинья, птица и др. Реже болезнь представляется в виде каких-либо конкретных предметов (черного волоса, скрученной нитки, гнилого семечка, соринки и т.п.), которые могут расти, увеличиваться в объеме и занимать собой все внутренности заболевшего человека. Образы болезни находят отражение в устойчивых выражениях типа: *Оспа с клювом ходит, оттого и пятнает человека щедринками // Болезнь змеей заползает* [179] и др., в поверьях и мифах русского народа [см., например, Левкиевская 2003, Попов 1903, Макаренко 1897, Герасимов, 1898 и др.].

Народные названия болезней отражают представления: а) об их общем облике (*сосец-волосец, волосяница, рожа, жаба, косматка*);

⁵ Здесь и далее пословицы, приметы, приговоры и другие устойчивые словесные формулы приводятся по: [Даль 1993. Т.2]. В скобках указывается только номер страницы.

б) об отдельных симптомах, способах проявления заболевания (*краснуха, глухья, ломовка, костогрыз, бессонница, трясо-вица, свербежница, падучая*);

в) о времени проявления болезни (*веснуха, третница, зорин-ная лихорадка, вечерница*);

г) о части тела, которую поражает болезнь (*грудница, животи-ха, пуповая грыжа, сердцеедка, очанка=глазница, суставни-ца, межперстница*);

д) о возрастной и половой группе людей, на которых направ-лено действие болезни (*мужицкий переполох, бабий переполох, младенский припадок*) и т.д. Часто имя болезни табуируется, в этом случае для называния используются термины родства или описательные конструкции с обобщающим (семантически диф-фузным, как правило, оценочным) наименованием: *тетка, ку-моха, бабушка, опасная болезнь, страшная болезнь, эта бо-лезнь, одна болезнь, лихо* и др.

Названия лекарей представлены системой моделей номина-ции, отражающих разные аспекты народной медицины. К ним относятся, например, следующие названия лекарей:

1. По способу производимого в процессе лечения действия (*бальник, баяльник* – ‘человек, владеющий знахарством, спосо-бами лечения с помощью магического слова’. Ср. *баять* – в из-начальном значении ‘заклинать’; *отпойщик* – ‘лекарь, отпай-вающий от отравы, умеющий излечивать ее’; *правильщик* – ‘ле-карь, правящий вывихи и переломы костей’). Для называния лекаря по характеру производимого им действия иногда исполь-зовались не именные, а глагольные обозначения типа: *знает, шепчет, дует слова, плюет слова*.

2. По названиям ритуалов, предметов ритуала (*наузник* – ‘знахарь, занимающийся навязыванием амулетов – науз’; *окуд-ник* – ‘разряд волхвов, совершавших заклинательные и чародей-ственные обряды = кудеса’). Такие номинации часто содержат слова с затемненной внутренней формой, что затрудняет деко-дирование смысла без соответствующего этимологического комментария. Однако и слова с прозрачной внутренней формой не всегда позволяют при незнании (забвении) врачевательного магического ритуала однозначно интерпретировать смысл на-

звания. Ср., например: *заломщик* - 'знахарь, делающий в хлебе залом, закрутку';

3. По названиям частей тела больного или органов, над которыми совершается действие (*бельморез* - 'лекарь, оперирующий глаза'; *пузырница* - 'лекарка, занимающаяся родовспоможением. Название связано с разрывом у роженицы плодного пузыря').

4. По названиям болезни (*килунья* - 'знахарка, излечивающая грыжу = килу'; *откосник* - 'знахарь, излечивающий от прикосов = сглаза'). Представления о способе излечения болезни связаны с верой в симпатическую магию. Симпатические средства связаны какой-либо ассоциативной связью с названием болезни или ее симптомов [см., например, Познанский 1917]. В данном случае в качестве симпатического средства выступает само название лекаря, назначением которого является «завораживание» соответствующей болезни.

5. По названиям используемых лекарственных препаратов и средств (*травщик*, *травница* - 'лекари, знающие и заготавливающие травы, лечашие ими'; *зелейник* - 'лекарь, изготавливающий зелье для лечения больных'; *коренщик* - 'знахарь, копающий коренья на снадобья и лечаший ими').

Система народных названий лекарей включает также обобщающие, родовые обозначения без указания на конкретный (отличительный) признак: *врач*, *врачеватель* - 'лекарь по навыку, ученый'; *лекарь*, *лечец*, *лечитель* - 'любой человек, занимающийся лечением, даже неученый, не являющийся врачом'; *излечитель*, *исцелитель* - 'излечивающий, исцеляющий кого-либо'. Так, самым распространенным родовым обозначением целительницы в традиционной народной медицине является слово *баба* и его словообразовательные варианты: *Ну вот теперь врач есть так. А раньше баба роды принимала* [ОСК 64] // Баба-ручка. *Баба вылечила кого-нибудь, выручила, это называется баба-ручка. Эт как вроде улечит, вот ребенка вылечит, и она от баба-ручка, значит, выручила нас* [ОСК 65] // Баушка // Бабушка. *Знахарка. Баушки раньше были, и они рассказывали, че надо пить. Баушки таки были, лечут от лихорадки (Бор.). И грыжа была. К баушкам носили* [ОСК 132] // Бабка-повитуха // Баушка повитуха // Баушка-повитушка // Бабка-повивалка. *Ходила баушка-повитуха. Счас акушерка. Баушка пупок завязыва-*

ет. Баушки-повитушки славились. Их прямо от одной родихи к другой. Рожали с повитушками [ОСК 133] // Бабница. У нас от мама, дык она и живот правила от людям, поправит от. Она сорок лет ходила бабницей [ОСК 69] // Бабонька. Почтит. Знахарка. Бабонька – это их с уважением так называли. Уважали бабушек этих очень в деревне [ОСК 69].

В народном сознании по-разному представлены качества, атрибуты, функции лечащих людей в зависимости от их половой принадлежности, даже при использовании одного и того же номинативного признака. Ср.: Знахарка // знахурка // знахарница // знатоха // знаха. Обладает гипнотическими способностями. Если знахарка потеряла зубы, она уже не могла лечить. Знахарь // знаток // знатель // знатец – лекарь самоучка, действующий собственными способами, с помощью колдовства. Должен иметь острое зрение, иначе он не видит болезнь. Знахари говорят (заговаривают), как город городят.

Представления о способе излечения болезни связаны с верой в симпатическую магию. Симпатические средства связаны какой-либо ассоциативной связью с названием болезни или ее симптомов [см. Познанский 1917]. Принцип их использования закреплен в народной афористике: *Чем ушибся, тем и лечись! Где упал, там и плюнь (и поскреби)* [171]. Ср. *Клин клином вышибают* и т.п.

Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические эквиваленты или лечение с их помощью. Например, при боли в спине больной ложился на пороге на живот, на спину ему клали несколько щепок, на них «рубил» ножом или топором 3 прутика, выдернутых из голика, при этом читали наговор [см. Герасимов 1898, Макаренко 1897, Попов 1903, Торэн 1996 и др.]. При этом само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Ср. выражение *спину пересекло*, обозначающее боль в пояснице, и название обряда излечения от этой боли *рубить утин* ('боль в пояснице от радикулита, ревматизма или подъема тяжестей') или *лечить присеком* - ассоциативная связка одноко-

ренных слов (*пересекло - присеком*) или симилияров⁶ (*пересекло - рубить*) // *Добыть языка на колокольне* - название обряда излечения немоты: когда отымеется язык, то обливают водой колокольный язык и поят больного [179] // *От курячей слепоты - смотреть в дырочку доски, где выпал сучок* [178] // *Зажать сучок в избе - кровь станет* [180].

Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, заговорные формулы, наговоры, в которых обыгрывается эпидемическая связь названия болезни по названию действия, которое она производит в организме, и, соответственно, обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью ее уничтожения: *Что грызешь? - Грызь грызу. - Грызи, да гораздо* (от грызи, т.е. от ломоты) [177] // *Житина, житина, возьми свою жичину* (наговор от жичины, ячменя глазного, причем слегка колнот его ячменным зерном, которое отдают петуху) [176].

Языковые средства конституируют основные параметры взаимодействия макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приемы воздействия человека на окружающий мир, ибо языческое мировидение, как уже отмечалось, определялось верой в магическую силу слова - наименования предмета, действия, явления, - тождественного магическому действию (ритуалу, обряду). Одним из элементов такого взаимодействия человека с болезнью является антропоморфизация природных явлений: *Зарина, заря орна возьми с раба Божия младенца N зыки и рыки дневные и ночные* (с этими словами нагая бабка обносит нагого новорожденного вокруг бани) [179]. Ср. также: *Обжог Обжоговец, Обвар Обваровец прилетел без крыл, улетел без ног, у рабы Божьей (имя) ничего не обжог* [Русские заговоры ... №1704].

Другим непременным атрибутом обряда излечения считались ритуальные предметы. Например, *пупник-горшок* - особый горшок, сделанный по специальному заказу, использовался для лечения от болезней живота в обряде «накидывания горшка на

⁶ Термин А.А.Залевской для обозначения слов, не закрепленных в системе языка в качестве синонимов, однако представленных именно таким образом в сознании носителей языка.

пуп»: три восковых огарка, прилепленных к кусочку хлебной корки, ставили на пуп, зажигали и опрокидывали над ним кувшин или горшок, который плотно присасывался к животу [Торэн 1996: 20-21]. «Отголоски» этого забытого обряда находим в выражениях *Горшок на живот - все заживет // Горшок брюха не испортит // Горшок лиха не попустит* [172].

Ни один обряд изгнания болезни (излечения) не обходился без лекарственных растений. Ср.: *На всякую болезнь зелье вырастает // И собака знает, что травой лечатся* [170]. Народная фитонимия фиксирует параллельность номинаций болезней и трав (названия растений по названию болезней): лапчатка серебристая = *горлянка*, *жабная трава* - от грудной жабы; козлородник луговой = *молочник* - от молочницы; дивало однолетнее = *грызня трава*; переступень белый = *глистовник*; касатик аировидный = *ужачка*, вероника широколистная = *змеевик* - от укуса змей.

Трава считалась оберегом от злых духов, если, например, имела особую форму (так, живокость = *рогатый* василек имеет удлиненный шпорец у цветка; *Петров крест*, названный по форме корня в виде креста), горький вкус (почти все виды полыни), колючки, шипы (*чертополох*) и т.д. Ср.: *бабий переполох* - название колючника обыкновенного (номинативные варианты: *девичий переполох*, *страхолох*), который запаривали, кололи им ноги больной, развешивали вокруг кровати для лечения испуга от "насыльного беса", который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появлялся перед женщиной, работавшей по ночам [Коновалова 2000: 22].

Самым ярким этнокультурно выделенным компонентом семантического пространства «болезнь» являются обряды излечения и их названия. Типичным примером может служить, например, обряд «обмана болезни»: перед приступом лихорадки больного приносили в баню, клали на стол и покрывали белой простыней, чтобы, когда придет лихорадка, она думала, что этот больной уже умер, и уходила. Больной также прятался от лихорадки в печь, стараясь обмануть ее [Торэн 1996: 17]. Обман болезни осуществлялся разными способами, например «во время эпидемии холеры на дверях домов, куда еще не проникла болезнь, часто писали углем: "Такого-то нет дома", полагая, что

холера, прочитав эту надпись, поверит и обойдет дом стороной» [Левкиевская, 384]. Чтобы обмануть болезнь, на кровать укладывали соломенное чучело, «заменяющее» больного. Такой прием отражает широко используемый способ излечения – «передачу» болезни на какой-либо символический эквивалент (заместитель) больного.

Регламентированными компонентами ритуала излечения были место и время его проведения. Так, например, утин пресекали *обязательно где-нибудь на дверном пороге; в бане* сначала лечили вывихи (ср. расслабление мышц от тепла), потом почти все болезни изгоняли в бане: *Наешься луку, ступай в баню, натришь хреном да запей квасом // Баня - мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь* [170 - 171]; место *у огня (у печи, костра)* использовалось при лечении от лихорадки, а *между огнями* - от поварных болезней и мора скота, когда стадо скота прогоняли между огнями; на *межу* (символическое воплощение грани жизни и смерти) выносили особо тяжело больных, когда непонятна была причина заболевания, другие способы не помогали и надежд на выздоровление было мало (ср. выражения *пограничное состояние, между жизнью и смертью*). Время проведения ритуального действия было приурочено к восходу и заходу солнца, например, *по трем зорям* - вечером, утром и вечером следующего дня пресекали утин; *на вечерней заре* читали заговоры против лихорадки, *на утренней заре* – от «насыльных» болезней (порчи, сглаза, испуга, детских болезней). Лишь «обманные» ритуальные действия совершались *ночью*: прятались от лихорадки, притворялись мертвыми, заменяли человека куклой (чучелом) и т.п.

Мифологическое сознание, ориентированное на связь субъекта с виртуальной «реальностью», служит основанием для построения поведенческой модели взаимодействия с этой реальностью. В этой модели язык выступает как основной фактор создания эффекта суггестии. Детальное членение семантического пространства «болезнь», название каждого его компонента, включенность в ритуал есть проявление стереотипа наивного восприятия болезни и воздействия на нее с помощью различных (в том числе и вербальных) средств симпатической магии. Одним из наиболее популярных средств симпатической народной

медицины является воздействие на символические эквиваленты или лечение с их помощью. Например, при боли в спине больной ложился на порог на живот, на спину ему клали несколько щепок, на них «рубил» ножом или топором прутья, выдернутые из голика, при этом читали наговор. В данном случае в качестве симпатического средства выступает и название обряда, и название лекаря, производящего лечение.

Лингвокультурологическое описание лексики народной медицины важно для изучения архаических форм русской обрядности, верований, мифологии.

Литература

Мазалова Н.Е. Народная медицина в традиционной русской культуре // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. С. 478-489.

Познанский Н.Ф. Заговоры. – СПб., 1917.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. – СПб., 1903

Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996.

Источники материала

Герасимов М.К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина, 1898, вып. II.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. – М., 1993.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М., 2003.

Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии // Живая старина, 1897, вып. I-IV.

ОСК – Областной словарь Кузбасса. Вып.1 /Под ред. Э.В.Васильевой. – Кемерово, 2001.

Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. /Под ред. В.П.Аникина. – М., 1998.

Вариант 4. Анализ ономаσιологических моделей: лингвокультурологический аспект

«Язык и этнос», «язык и культура», «язык и национальная ментальность» – вот далеко не полный перечень аспектов исследования проблемы, в обобщенном виде сформулированной еще В. фон Гумбольдтом, который выдвинул идею внутренней формы языка, превращающей язык в «зеркало мира». Народное мировидение, отраженное в языке, ярко проявляется в номинациях объектов конкретных денотативных сфер, описание которых должно дать комплексное представление о внутренней форме языка в гумбольдтовском понимании, т.е. представление о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа, в его картине мира. В лингвистике последних лет особо подчеркивается многомерность параметров языковой картины мира: антропоцентричность; отраженный характер вербального означивания, позволяющий говорить о языке как о «смысловом двойнике мира»; константность и динамичность; способность отображать реальное и ирреальное ментальные пространства; национальная специфичность; символичность и культурная обусловленность; универсальность и специфичность ономаσιологических ориентиров в языковой картине мира в целом и в частных ее фрагментах и т.д. Отмеченные параметры языковой картины мира предполагают возможность обращения к разным характеристикам этого феномена, существенным для выявления интерпретационной вариативности языка в членении внеязыковой действительности.

Лингвокультурологический подход к анализу содержательной структуры единиц семантических общностей, организующих фрагменты языковой картины мира: базовым при таком подходе является понятие культурной коннотации – «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. В этнокультурную коннотацию включается широкая информация, связанная с мифологическими и религиозными воззрениями народа, с традиционными обрядами и ритуалами, народным календарем природы. Такая информация может фик-

сироваться не только народной идиоматикой, этикетными ритуальными формулами, фольклорными текстами, но и внутренней формой (ВФ) наименований определенной семантической общности.

Для интерпретации «культуроносного» языкового знака особое значение имеют контексты, выявляющие «показания языкового сознания говорящих» [Блинова 1989] и позволяющие сделать выводы о динамике информативной функции ВФ слова. При этом следует иметь в виду избирательность отражаемой контекстом информации: особо значимыми для говорящего являются лишь те объекты внеязыковой действительности, которые вписаны в этнокультурный «сюжет».

В современных работах по лингвокультурологии используются разные способы представления культурной информации в единицах языка: «через культурные семы; через культурный фон; через культурные концепты; через культурные коннотации» [Опарина 1999: 34-35]. Необходимо добавить к отмеченным способам ономаσιологическую интерпретацию ВФ, поскольку исследование типов ономаσιологических структур в плане их когнитивной ориентации дает возможность выявления специфики традиционного народного мировидения.

Под **ономаσιологической структурой** [см.: Гридина 1982], понимается совокупность существующих в системе языка моделей номинации, с разной степенью абстракции воплощающих представления говорящих о возможностях обозначения объектов определенного класса. Ономаσιологическая структура включает в себя представления о возможных принципах номинации, средствах номинации и способах номинации. Так, **принцип номинации** отражает типовые основания для обозначения объектов определенного класса (см., например, типовые для класса растений принципы номинации по запаху, цвету, вкусу, целебным свойствам; типовые для обозначения демонологических персонажей принципы номинации по месту обитания, специфическим действиям, времени появления и т.п.); типовые **средства номинации** «показывают, с помощью каких конкретных языковых средств наиболее регулярно обозначаются объекты разных классов при установке называющего на определенные принципы номинации» [Гридина 1982: 32]; **способ номи-**

нации представляет собой механизм воплощения мотивировочного признака прямым или опосредованным (метафорическим или метонимическим) способами. Эти механизмы также в известной степени основываются на существующих в сознании номинатора «стереотипах ... ассоциативного соотнесения какого-либо признака называемого типа объектов с конкретным названием» [Гридина 1982: 32]. **Ономасиологическая структура**, таким образом, представляет собой многокомпонентное образование, содержащее как константные, так и вариативные параметры потенциального означивания объектов определенного денотативного класса. Ономасиологическая структура включает в себе знание о свойствах объекта, что определяет выбор мотивировочного признака и принципа номинации, знание о принятых в данной номинативной системе средствах и способах воплощения мотивировочного признака.

Ономасиологические структуры, выступая своего рода моделями-стереотипами «обеспечивают известный автоматизм процесса номинации, выступая в качестве его ориентирующих статических компонентов. Наличие таких моделей позволяет во многих случаях предсказать возможность выбора наименования того или иного типа. Однако, если мы хотим постичь функционирование моделей в живом языковом общении, иначе их реализации, если мы хотим объяснить появление конкретного наименования, необходимо в каждом отдельном случае опираться на специальный ономасиологический контекст, который предшествует возникновению данной номинативной единицы, является ее смысловой и материальной базой» [Гридина 1982: 32-33]. Базовым компонентом воплощенной (реализованной) ономасиологической структуры конкретного наименования, безусловно, является ВФ слова, которая может быть рассмотрена как когнитивная составляющая восприятия информации об обозначаемом. Отражая специфику воплощения мотивировочных признаков определенного класса объектов в языковой картине мира, ВФ одновременно выступает и как источник возможных вариативных интерпретаций связи между признаком, положенным в основу наименования, и свойствами обозначаемого объекта, возникающих в процессе функционирования мотивированного слова, его синхронном осмыслении носителями языка (диалекта). В

этом плане интересны мотивационные контексты, «объясняющие» происхождение названия, отражающие динамику языкового сознания и позволяющие выявить причины интерпретационной вариативности восприятия внутренней формы слова [см. об этом: Гридина, Коновалова 2001]. Мотивационные контексты, порождаемые спонтанно или спровоцированные информатором в ситуации объяснения (толкования) фитонима диалектоносителями, есть свидетельство того, что толкование названия через его ВФ можно считать когнитивной процедурой, так как через «прочтение» ВФ говорящий обнаруживает собственное понимание мотива номинации. При этом интерпретатор опирается, во-первых, на знания о свойствах обозначаемого; во-вторых, на знания о функционировании слова в соответствующей системе номинаций, например, знание о наличии синонимов, номинативных вариантов, дублетов, гиперонимов и гипонимов в конкретной лексико-семантической системе (микросистеме); в-третьих, на знания о принципах номинации определенного рода реалий, принятых в соответствующей этнокультурной среде.

Проанализированные нами мотивационные контексты позволяют выделить несколько типов ономаσιологических структур в аспекте их когнитивной ориентации:

1. Ономаσιологические структуры, представляющие знания об объекте номинации в метафорическом «образе» (через метафорический мотиватор). Ярким примером подобных ономаσιологических структур является модель представления болезней в традиционной народной культуре преимущественно в антропоморфном (чаще всего в виде женщины) или зооморфном облике (в виде собаки, кошки, свиньи, птицы, гадов и т.п.). Например, такие демонологические персонажи могут получать имена собственные по источнику или симптому болезни: *грудная жаба* ‘болезнь, причиной которой является проникновение жабы в тело человека во время питья из открытого водоема’, *Глухья, Огня, Ломя, Трясея* и др. ‘названия сестер-лихорадок, насылающих на человека болезнь, симптом которой обозначен ВФ имени’. Такие номинации могут актуализировать при восприятии названия представление о разных признаках обозначаемого, соотносительных с одним и тем же образом, отраженным ВФ слова. Так, название растения *щучка* интерпретируется на осно-

ве двух разных мотивационных контекстов в соответствии с принципом номинации по цвету (*щучка рябенька травка*) и по месту произрастания (*где волгло любит*). Оба мотивационных признака соответствуют метафорическому образу, заключенному во ВФ слова, «покрываются» им (ср. ‘растение, похожее по цвету листьев на цвет чешуи щуки’ и ‘растение, которое, подобно рыбе = щуке, любит воду’).

2. Ономасиологические структуры, допускающие двоякое – метафорическое и метонимическое – осмысление мотива номинации. Например, ВФ фитонима *ястребинка* интерпретируется носителями диалекта на основе принципа номинации растений по их целебным свойствам: *Этой естребинкой скотине глаза ладыт* (‘растение используется для лечения глазных болезней’). Ономасиологическая структура наименования фиксирует знание о лечебном эффекте использования растения через образное представление признака ‘улучшать зрение, делать зрение таким же хорошим, как у ястреба’. Другая интерпретация ВФ фитонима *ястребинка* основана на метонимической связи: растение это якобы ‘занесено на луга ястребами, которые им питаются и от этого имеют отличное зрение’. Отсюда выводится представление о полезном воздействии растения на зрение. Отношения между признаками ‘корм для ястребов’ – ‘ястребиная зоркость’ осмысляются как причинно-следственные. Вопрос о том, какая мотивационная версия соответствует исходной, однозначно решить трудно, т.к. оба направления интерпретации ВФ соотносительны с существующими в русском языке принципами номинации растений.

3. Ономасиологические структуры, допускающие равновероятностное осмысление связи названия со свойствами обозначаемого ввиду многозначности использованного при номинации лексического мотиватора. В качестве примера приведем контексты, объясняющие мотивационный признак, положенный в основу фитонима *ясотка*: *Глаза есноткой промывают от гною* (Ивдельск.) // *Яснотка, потому что в ясных местах любит расти* (Ревд.). В первом случае мотиватор ‘ясный’ воспринимается в значении ‘здоровый, чистый’ (применительно к глазам, зрению) и соответственно соотносится при осмыслении ВФ фитонима с принципом номинации растений по их использованию

в лечебных целях; во втором случае мотиватор ‘ясный’ воспринимается в значении ‘чистое, открытое пространство’, что позволяет носителю языка (диалекта) актуализировать свои знания (представления) об объекте на основе принципа номинации травы по месту ее произрастания. Ср. также функциональную множественность использования в народной медицине, в магии, в бытовых ритуалах *выворотня* ‘дерева, вырванного с корнями бурей’. Считалось, что выворотень – знак действия нечистой силы, поэтому использование такого дерева в домашнем хозяйстве может привести к разным несчастьям, поскольку нечисть так же перевернет все в доме и в судьбе. С другой стороны, с помощью выворотня можно было избавиться от болезней, порчи, сглаза ‘вывернуть боль’, ‘вернуть мужа если его кто своротил’ и т.п. Такие разные действия осмысляются по связи с разными значениями лексического мотиватора названия ритуального дерева *вывернуть(ся)*: ‘вынуть, крутя’, ‘перевернуть внутренней стороной наружу’, ‘ловко повернувшись, выскользнуть, освободиться’.

4. Ономасиологические структуры, заключающие в себе информацию о сакральных мотивах номинации, забвение которых приводит к реинтерпретации ВФ названия носителями языка (диалекта): сакральная оценка предмета, явления, действия, заключенная во ВФ слова, обобщается и, как правило, сводится к профанному (утилитарному) восприятию свойств обозначаемого объекта. Так, ономасиологическая структура фитонима *юрьева роса* изначально фиксирует сакральный мотив номинации растений, с которых собирали росу в день святого Георгия (Юрия), вследствие чего эта роса считалась целебной; по метонимическому принципу целебные свойства *юрьевой* росы переносятся на растения, получающие соответствующую номинацию. В сознании современных диалектоносителей фитоним *юрьева роса* соотносится с положительной утилитарной оценкой свойств весенней травы, идущей на корм скоту. Когнитивный процесс осмысления мотивации названия можно представить в виде связи признаков ‘трава, собираемая весной (в Юрьев день), - молодая, сочная, полезная для скота’; актуализация связи названия с лексическим мотиватором *Юрьев день* по причине забвения обряда сбора росы получает уже не сакральную, а хроно-

логическую привязку, указывая на время появления первой весенней травы. О десакрализации названия свидетельствуют многочисленные контексты, в которых оно употребляется в утилитарно-прагматическом смысле: *Первый раз на поскотину выгоням, когда юрьева роса с-под снега вылазит* (Камышл.) // *Юрьева роса на Юрьев день поевлеться* (В.Пышм.). Другим примером такого рода ономасиологических структур может быть название обряда *ряжения*, первоначально означавшего ‘установление другого порядка путем перехода действующего лица из одного ряда (статуса) в другой с использованием приемов изменения внешнего вида, в частности переодевания’. Обряд считался греховным, после его окончания исполнители должны были пройти обряд очищения. Замена изначальной связи *ряжение - ряд* ‘порядок’ более актуальной для современного языкового сознания ассоциативной связкой *ряжение - наряжаться* демонстрирует реинтерпретацию сакрального мотива номинации, закрепленного во ВФ названия обряда.

5. Потенциально вариативные ономасиологические структуры, фиксирующие свойства обозначаемого посредством лексического мотиватора, допускающего равновероятную замену синонимичным эквивалентом. Контексты, отражающие мотивационную рефлексия говорящих над ВФ таких наименований, нередко содержат этот потенциальный «эквивалент» или номинативный вариант, представленный в системе названий соответствующей лексико-семантической системы. Например, *юбочка* – ‘колокольчик’: *Юбочкой называют, он дудочкой висит* (Туринск.). ВФ фитонима *юбочка* осмыслена через потенциальный номинативный эквивалент (*дудочка*), отражающий признак обозначаемого через ассоциативно соотносительный образ (ср. мотивационные значения ‘цветок, похожий по форме на юбочку’ – ‘цветок, похожий на дудочку’). Актуализация «смежного» образа при восприятии ВФ названий растений отражается мотивационными контекстами, в которых представлены синонимичные фитонимические номинации (наряду с актуализацией использованных при обозначении растений мотиваторов). Например: *Щелкуха*. См. *Хлопчики. Щелкухой ребята все забавляются, она так сильно щелкат, как словно бы хлопучки* (Артем.) // *Шишлукху еиши хлопчиком зовут: когда цветок срываиш, он шишолкат*

(Новолял.). Актуализация подобных синонимических отношений при интерпретации мотивированности наименования есть отражение когнитивного опыта говорящих, основанного на способности представлять и опознавать один и тот же признак обозначаемого через разные «образы», ощущения, эмоции. Так, в данном случае наличие в уральских говорах фитонимов *щелкуха* и *хлопчики* для обозначения одного и того же растения и одновременная актуализация их ВФ в приведенных мотивационных контекстах свидетельствует о закреплённости в языковом сознании диалектоносителя разных «звукообразов», соотносительных с одним и тем же мотивировочным признаком (‘характерная реакция растения на внешние раздражители’). Ср. также широкие вариативные ряды для обозначения демонологического персонажа, живущего в доме. Принцип номинации по месту обитания представлен несколькими конкретизирующими моделями: *домовой*, *подпечник*, *запечник*, *голбешиник*, *подполянник*, *подшесток* и др.

Восприятие ВФ, по сути, есть осознание мотива, несущего в себе актуальную для говорящих информацию об обозначаемом. Корреляция этих знаний со способами их представления в номинативной системе конкретного языка носит вариативный характер, что уже изначально задает интерпретационную многомерность ВФ слова в аспекте ее восприятия.

Литература

Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // *Язык и личность*. – Томск, 1989.

Гридина Т.А. О моделировании ономастической лексики // *Слово в системных отношениях*. – Свердловск, 1982.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Внутренняя форма слова как отражение языкового сознания интерпретатора: мотивационная вариативность ономастиологических структур // *Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения*. – СПб., 2001.

Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // *Язык и культура*. – М., 1999.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Вариант 5. Анализ названий дней народного календаря природы: лингвокультурологический аспект

Актуальность темы связана с активно разрабатываемым в последние годы лингвокультурологическим и этнолингвистическим направлением исследования языкового материала, что открывает перед лингвистами особое поле деятельности – возможность изучения способов выражения культурной информации, закодированной в языковых знаках. Исследование формирования и функционирования того или иного фрагмента картины мира (в том числе народного календаря природы) наиболее полно может быть осуществлено при реализации именно лингвокультурологического подхода к языковому материалу.

Рассмотрим народные названия календарно отмеченных дней с целью описания характера культурной информации, заключенной в названиях дней народного календаря природы, и выявления их структурных и семантических моделей. Такое описание предполагает, прежде всего, обращение к анализу внутренней формы (ВФ) соответствующих лексем.

Продуктивной для выявления этнокультурной информации представляется техника ее выявления через описание мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ) названий календарно отмеченных дней. Важным элементом описания мотивационных значений в культурологическом ключе является привлечение пояснительных контекстов в виде народных «молвушек», присловий, примет и др. устойчивых выражений.

Названия дней, составляющие народный календарь природы, можно рассматривать как «культурные знаки», а их совокупность как своего рода «культурный текст»⁷. Это в полной мере соотносится с основными постулатами лингвокультурологии, поскольку каждое из названий в отдельности в свернутом виде представляет информацию о традициях крестьянской культуры, а народный календарь природы в целом создает особое пространство, в котором по законам традиционной духовной культуры смоделирована «прагматика народного быта». Ср. в этой

⁷ См. употребление этих понятий в работе Толстой С.М. К понятию функции в языке культуры// Славяноведение. №5, 1994.

связи замечание С.М.Толстой о том, что «определенную структурную или прагматическую функцию имеет, как правило, не индивидуальный, конкретный текст, а класс или тип текстов, обладающих общими семантическими и формальными (структурными) признаками» [Толстая 1994: 96]. Изучение названий календарно отмеченных дней, таким образом, дает возможность извлечь этнокультурную информацию, сопряженную с названием и его функционированием.

Большая часть календарно отмеченных дней имеет однородную структуру: имя святого + определение (приложение), конкретизирующее его «специализацию» (= роль в народном календаре природы). Лексическое же наполнение структур определяется характером этнокультурной информации, передаваемой наименованием календарно отмеченного дня.

Можно выделить следующие типы номинаций календарно отмеченных дней по характеру представленной в них этнокультурной информации:

- названия, фиксирующие характерные особенности природных явлений;
- названия, указывающие на время начала обряда, праздника;
- названия по роду деятельности людей;
- названия, отражающие связь календарно отмеченного дня с нечистой силой;
- названия, связанные с именами Христа, Богородицы и других христианских святых;

1. Названия, фиксирующие характерные особенности природных явлений

23 января. Григорий Летоуказатель.

Летоуказатель ← лето + указать + -тель.

МЗ: указывать на характер лета (погоду).

МФ: два корня с прозрачной ВФ + -тель со словообразовательным значением «лицо - исполнитель действия».

Это название содержит следующую культурологическую информацию: зимний день, соотносимый по определенным (в данном случае метеорологическим) характеристикам с летним, указывает на погодные условия, служит своего рода метеорологи-

ческим прогнозом. Ср. народные приметы⁸, связанные с этим днем: Если выпадет иней в этот день – лето будет сырое и холодное, если будет ветер с юга – лето будет грозное.

31 января. Афанасий Ломонос.

Ломонос ← ломать + нос.

МЗ: указание на предмет, на который направлено действие

МФ: два корня с прозрачной ВФ.

Ломонос – береги нос. Если выпадет иней в этот день – лето будет сырое и холодное, если будет ветер с юга – лето будет грозное. Если в этот день в полдень солнце – весна будет ранняя. Если в морозную погоду закат солнца чистый – морозы будут и дальше.

Такого рода культурная информация основана на регламентированной «парности» времен года, не случайно в народных календарях природы отмечается, что «... одно время года определяется по другому, а каждый месяц составляет пару с противоположным ему месяцем второго полугодия. По характеру погоды декабрь, январь, февраль соответствуют июню, июлю, августу, март, апрель и май – сентябрю, октябрю, ноябрю, и наоборот» [Круглый год 1989: 7].

2. Названия, указывающие на время начала обряда, праздника

19 августа. Первые осенины.

Осенины ← осень + -ин.

МЗ: связь с осенью.

МФ: корень с прозрачной ВФ + -ин со словообразовательным значением «предмет, имеющий отношение к времени года, названному мотивирующим словом».

Осенины – осенний праздник. Начало Бабьего лета.

24 сентября. Федора осенняя.

Осенняя осень + -н.

МЗ: связь с осенью.

МФ: корень с прозрачной ВФ + -н со словообразовательным значением признаковости.

В году отмечают две Федоры: одна весенняя, другая – зимняя (12 января). Одна с грязью «подол подтыкает», другая – со сту-

⁸ Здесь и далее приметы приводятся по: Даль 1989, Круглый год 1989.

жей «платком рыло закрывает». На Федору лето кончается, осень начинается.

1 марта. Утро года. Утро весны.

МЗ: начало, наступление года (весны).

МФ: словосочетание существительное + существительное.

Со времени принятия христианства был принят мартовский стиль летоисчисления, то есть год стал начинаться 1 марта – месяца празднования Пасхи. Март считался первым месяцем в году. Отсюда метафорическое обозначение начала через образ утра.

Культурная информация подобного рода основана на древней традиции такого представления временных отрезков, когда «все циклы мифологического времени: день, месяц, год, эпоха – воспроизводят, моделируют друг друга, построены по одному принципу. ... Строение дня в народной традиции ... связано со строением века. ... День и год членятся на аналогичные отрезки» [Юдин 1999: 127].

3. Названия по роду деятельности людей

18 марта. Конон Огородник.

Огородник ← огород + -ник.

МЗ: связь с огородом.

МФ: корень с прозрачной ВФ + -ник со словообразовательным значением «лицо мужского пола, имеющее отношение к предмету, названному мотивирующим словом».

Считали, что если в этот день начинать «пахать огород» (хотя бы сделать несколько лунок), то «огород будет добр и овощей будет много».

18 мая. Ирина - Рассадница.

Рассадница ← рассадить + -ниц.

МЗ: связь с рассаживанием, рассадой.

МФ: корень с прозрачной ВФ + -ниц со словообразовательным значением «лицо женского пола - исполнитель действия, названного мотивирующим словом».

В период с 18 по 25 мая принято рассаживать капусту. Заниматься этим по обычаю могут только женщины. «Если посадит овощи мужик, то они зацветут, но не дадут плода». Высаживая капусту, женщины приговаривали: «Не будь голенаста, будь пуста; не будь красна будь вкусна; не будь пуста, а будь туга; не

будь стара, а будь молода, не будь мала, будь велика». Рядом с капустой по углам грядок сажали крапиву – «крапиву червям, а капусту нам».

18 октября. Харитины – первые холстины.

Первые холстины – словосочетание существительное + числительное.

Значение словосочетания: признак, характеризующий рядок предмета в ряду однородных.

С этого дня бабы садились за ткацкий станок, ткали холсты.

Культурная информация отмеченного типа базируется на прагматичности народного календаря природы, когда каждый день был связан с определенным видом хозяйственных работ и ориентирован на поддержание (создание) благополучного быта.

4. Названия, отражающие связь календарно отмеченного дня с нечистой силой

2 марта. Федор Тирон. Кикимора.

Кикимора – звукоподражание от «хи-хи». О названии Кикимора в народе говорят по-разному: это и хозяйка дома; и жена домового или лешего; и уродливая старуха маленького роста; и девка с длинными чёрными волосами, белым лицом и чёрными глазами. Она живёт и в доме, и в бане, и на гумне. Она может быть вредной, но может помогать людям. В народе о ней говорят: «Чу, Кикимора пряжу прядёт, спи, Кикимора спрядёт за тебя». Чтобы Кикимора кур не воровала, вешали под насестью, на лыке, отбитое горло кувшина [Шуклин 2001].

10 марта. Тарасий Кумоха. Кумаха.

Слово с затемнённой ВФ. Эвфемистическое обозначение лихорадки через термин родства.

Считалось, что с этого дня на людей нападала Кумоха – вешняя дрема. Сон валит слабых с ног, всё время хочется спать. Тарасий запрещает спать днём, иначе нападёт Кумоха.

Есть и другое понятие – Кумаха. Считалось, что с этого дня опасно спать вечером. Говорили: «кто спит под вечер, тот наспит Кумаху». Кумаха – лихорадка. Великая беда, если в этот день сорвётся с крючков дверь избяная. Будет беда или смерть, пожар или мор. Кумаха живёт в дремучем лесу в непокрытой избе с сестрами.

16 апреля. День Никиты – пробуждение водяного дедушки.

Водяной ← вода + -ян; дедушка – эвфемизм для обозначения нечистой силы через термин родства.

МЗ: связь с водой.

МФ: корень с прозрачной ВФ + -ян со словообразовательным значением признака по месту обитания.

Пробуждение дедушки - словосочетание: отглагольное существительное + существительное. Значение словосочетания: опредмеченное действие + лицо – исполнитель этого действия.

Рыбаки задабривали водяного дедушку, принося ему в жертву (топили) чужую лошадь: «Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье: люби да жалуй нашу семью».

Культурная информация этого типа связана с древней языческой обрядностью [см. об этом: Ревуненкова 1992, Селиванов 1972, Толстой 1995 и др.], направленной на достижение сакральной гарантированности каждого производимого человеком действия.

5. Названия дней, связанные с именем Христа, Богородицы и других христианских святых

Как правило, такие названия сопровождаются в народном календаре природы элементами жития святого, в честь которого назван день, с описанием «чудесных» событий, связанных с обретением именуемым персонажем святости.

14 марта. День памяти святой преподобной мученицы Евдокии.

Святая мученица Евдокия долгое время вела грешную жизнь. Под воздействием убеждений святого старца отвергла эту жизнь и удалилась в монастырь. Она стала целительницей, исповедовала христианскую веру, за что подверглась преследованию со стороны врагов Иисуса. После мучений была обезглавлена.

7 апреля. Благовещение Пресвятой Богородицы.

В этот день Божий посланник архангел Гавриил сообщил Деве Марии «благую весть» о грядущем рождении у неё сына Божия. В этот день положено начало таинственного общения Бога с человеком.

Культурная информация, фиксируемая данным типом названий дней, является наиболее сакрально насыщенной и стереотипизированной: такие номинации являются в основном мемориальными и не выполняют функции типового указателя на род

предписываемых занятий (правда, в последнем случае любая работа запрещалась) или на характерные особенности выделенного дня. В ряде случаев поэтому один и тот же день народного календаря природы имеет несколько названий, данных по разным признакам. Так, одно название может быть дано по особенностям природных явлений, отмечаемых в этот день, другое – по имени святого мученика или одно – по виду трудовой деятельности крестьянина, характерной для данного дня, другое – по имени святого, покровительствующего этому виду деятельности, и т.п.

Лингвокультурологический анализ народных названий календарно отмеченных дней позволил выявить и некоторые частные закономерности фиксации культурной информации в этих знаках.

Более продуктивны при образовании наименований календарно отмеченных дней однословные модели (*Хмурень, Ревун, Стужайло* и др. Это 77,4 процента от всех проанализированных наименований).

Специфической особенностью анализируемой группы является множественная (неединственная) мотивация под влиянием народной этимологии (сближение слов по случайному созвучию). При этом ассоциативно и формально соотносимые слова не являются этимологически родственными: **15 июля. Березиня.** Слово имеет двойную мотивацию:

1) от «берег». *Березини* – наиболее древние женские мифические персонажи, воплощающие силы плодородия. Ритуалы в честь Березинь совершались в прибрежных заповедных лесах (бережняках). Вероятно, и название *Березиня* произошло в результате смешения со словом «берег».

2) от «беречь». *Березиня* – хранительница дома и всего крестьянского рода от разных напастей.

Наиболее часты в народном календаре природы ложноэтимологические переосмысления антропонимов:

11 мая. Мокий Мокрый.

Приложение мокрый непроизводное, содержит однозначно интерпретируемый метеорологический признак, который ориентирован на связь по созвучию с именем святого Мокий и закрепляется и в идиоматике: Мокро на Мокея – жди лета еще мок-

рее. Туман на Мокия – к мокрому лету. Ср. также: Прокл – проклятие, Карп – карполов, Палий – пали копны, на Луку высаживай лук, на Евтихия день тихий и др. Представляется справедливым замечание А.В.Юдина об обусловленности такой «игры слов» особенностями мифологического сознания, для которого «вещи, носящие одинаковые или сходные имена, тесно связаны и влияют друг на друга» [Юдин 1999: 140]. Ср. описанный Леви-Брюлем феномен партиципативной магии, основанной на «сопричастности» человека и сходных с ним в каком-либо отношении явлений окружающего мира.

В современной речевой практике отмечается толкование сакральных названий через профанные мотиваторы и т.п. смещения, сдвиги в интерпретации исходных «значений» соответствующих названий календарно отмеченных дней. Это свидетельствует о динамичности этнокультурных стереотипов, связанных с народными названиями календарно отмеченных дней. Исследование показаний языкового сознания с целью выявления динамики культурного стереотипа может составить перспективу исследования лексики народного календаря природы.

Литература

Ревуненкова Е.В. Миф, обряд, религия. – М., 1992.

Стрижев А.Н. Календарь русской природы. – М., 1992.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Толстая С.М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение, 1994, №5. С.91-97.

Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М., 1999.

Источники материала и словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. – М., 1989.

Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрылова. – М., 1989.

Селиванов Ф.М. Хрестоматия по фольклору. – М., 1972.

Шахович М.И. Приметы верные и суеверные. – Л., 1984.

Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург, 2001

Вариант 6. Анализ фразеологических единиц с сакральным компонентом⁹

Рассмотрение проблемы взаимодействия языка и культуры предполагает естественное обращение к языковой идиоматике, обладающей особым «культуроносным» потенциалом. В устойчивых языковых формулах (фразеологизмах, афоризмах, паремиях и т.п.) закрепляется опыт осмысления типичных фрагментов действительности, обусловленного особенностями национально-культурного мировидения народа.

Когнитивная база языковой идиоматики определяется по отнесенности ее прототипов к определенной сфере человеческого опыта, в том числе к сфере сакрального. Ср. понимание когнитивной базы как «определенным образом структурированной совокупности знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингвокультурного сообщества» [Русское культурное пространство 2004: 11]. Исследование сакрального содержания национальной языковой идиоматики вызывает определенные трудности: употребление в настоящее время понятия «сакральный» в самых разных контекстах свидетельствует о необходимости определить, прежде всего, объем этого понятия.

Традиционно понятие «сакральное» связывается с понятиями «священное», «религиозное», «культовое». Ср. сакральный [лат. sacer, sacri] – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу. Однако более детализированные дефиниции сакрального дают основания для расширительного определения сути этого понятия: Сакральное – 1. Вымышленные, наделенные сверхъестественными качествами существа – персонажи религиозных мифов; 2. Религиозные ценности – вера «истины», вероисповедания, таинства, церковь; 3. Совокупность вещей, действий, текстов, языковых формул, зданий и прочее, входящее в систему культа [Атеистический словарь, 1984: 391]. Ср. также: Сакральное – 1. Священное (от лат. sacer – священность) – предмет религиозной веры: 1) особые существа, связи и отно-

⁹ См.: Воробьева, Коновалова 2005.

шения, которые в различных религиях приобретают характер сверхъестественного; 2) совокупность вещей, лиц, действий, текстов, языковых формул, зданий и прочее, входящих в религиозную культовую систему [Энциклопедический словарь по культурологии, 1997: 337].

Сакральный компонент, таким образом, характеризуется целым спектром содержательных характеристик: с одной стороны – через конкретизаторы – священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный; с другой – через релятивные параметры – относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, зданию, действию, таинству и др. При таком (широком) понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают как языковые единицы религиозного (и шире – культурного) содержания, так и демонологемы. Ср.: «Сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного, которые своими границами как раз и обозначают пределы религиозного мира» [Кайуа 2003: 166]. Вообще можно отметить, что сакральное со знаком «минус» по отношению к сакральному со знаком «плюс» представлено в словарях, безусловно, в пользу отрицательно маркированных обозначений. Поле проекции «греховного» оказывается представленным в русском языковом сознании значительно шире поля проекции «чистого, святого, благостного». Одним из интереснейших источников «сакрального материала» является, как уже отмечалось выше, народная афористика и фразеология, представляющая собой совокупность относительно устойчивых в семантическом и формальном планах языковых знаков, максимально коннотирующих и этнокультурно значимых, выражающих стереотипы народного сознания.

Сакральный компонент в составе идиоматичных выражений может быть формально выражен (представлен лексическими единицами соответствующих семантических полей) и не выражен. В последнем случае сакральная семантика идиомы «выводится» с учетом широких этнокультурных пропозиций в результате интерпретации культурной семантики, связанной с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Существенное значение для такой интерпретации имеет обращение к

фольклору и живой разговорной стихии, к диалектному материалу.

В самом общем виде состав сакральной идиоматики можно представить следующим образом:

Обрядовая фразеология:

- Названия ритуальных предметов: *Бесьи колики* ‘осиновые колья, обмазанные медвежьим салом, которые втыкали рядом с дорогой, чтобы «испортить» свадебный поезд» [ЭС: 74]; *Наперсный крест* ‘нагрудный крест, даваемый в награду священникам’ [ФСРЯ: 162]; *Каменная баба* ‘древний каменный истукан (встречается во многих местностях Юго-восточной Европы и часто в Азии)’ [ФСРЛЯ 1995: т.1, 20].

- Названия ритуальных действий: *(По)заочное благословеньеице* ‘особого рода обрядовое благословение невесты-сироты’ [ЭС: 22]; *Выкупать стол* ‘в свадебном обряде: одаривать тех, кто на пути свадебного поезда ставит стол или другие препятствия’ [ФСРГС: 36]; *Выкупать ворота* ‘в свадебном обряде: одаривать деньгами, вином, подарками с тем, чтобы жениху и его родне разрешить въехать во двор невесты’ [ФСРГС: 36]; *Выливать на воске // вылить на воске* ‘1. Лечить заговором над растопленным воском. 2. В знахарском лечении: пытаться получить изображение того, кто будто бы испугал ребенка’ [ФСРГС: 37].

- Названия действующих лиц некоторых обрядов: *Теща божья* ‘ритуальное обращение к теще на свадьбе’ [ЭС: 171]. *Богоданная мать (матушка)* ‘теща’, ‘свекровь’, ‘неродная мать, мачеха’, ‘крестная мать’ [Человек: 88]. *Богоданный батюшка* ‘отчим’, ‘тесть’, ‘свекор’, ‘крестный отец’ [Человек: 89]. *Богоданный мой батюшка и богоданная моя матушка, нас вы благословите, а меня за родного примите // Отдают молодешеньку на чужую сторонушку. Ко чужим добрым людям: к богоданному батюшке, к богоданной матушке* (свадебная песня).

Идиоматика народного календаря природы:

- Указательно-характеристические названия календарно отмеченных дней: *Алексей с божьих гор потоки* ‘день 17 марта по старому стилю, названный в честь святого Алексея, человека божия’ [ФСРГС: 7]; *Акулина-гречишница // Акулина-комарница*

// *Акулина-заедала* // *Акулина задеря хвосты* '13 июня по старому стилю, день, с которого начинают сеять гречиху, когда бывает много комаров' [ФСРГС: 7].

- Названия отдельных временных периодов, связанных с христианскими праздниками: *Святые вечера* 'вечерние сборища молодежи во время святок' [ФСРГС: 25].

Фразеологизмы с сакральным компонентом, обозначающим:

- Сакральный субъект: *черти в кулачки не бьют* 'очень рано' [СРГСУ: т.7, 27]; *не так страшен черт, как его малюют* 'о ком-, чем-либо, в действительности не таком страшном, как его изображают, представляют' [ФСРЯ: 141]; *бегать, как бес от грома* 'старательно избегать встречи с кем-либо' [ФСРГС: 10]; *ни бес, ни хохуля* 'о ком-либо, имеющем непристойный вид' [Человек: 60]; *ангел без крылышек* 'не в меру жалостливый человек' [ФСРЛЯ: т.1, 17]; *как кикимора* '1. О неприятном, угрюмом человеке (чаще женщине). 2. Об уродливом или некрасиво одетом человеке (чаще женщине)' [ССРЯ: 164] и т.д. Особенность сакрального субъекта заключается в том, что он не имеет точной денотативной «привязки», это своего рода «виртуальная реальность», семантически диффузная демонологема, обозначающая сверхъестественный персонаж: непосредственно с ним никто не сталкивается, нет точного (однозначного) описания его внешнего облика. Конечно, с течением времени у носителей одной культуры складывалось некоторое «типичное» представление об этих субъектах (ср., например, такие «атрибуты» черта, как рожки, копыта, хвост), но, с другой стороны, некоторые сакральные субъекты могут иметь разные внешние признаки, характеризующие их ипостась (не только антропоморфные, но и зооморфные, фитоморфные и т.п.).

- Сакральный объект: *порча ядреная* 'о человеке, доставляющем неприятности, которого надо понужнуть = заставить сделать что-либо помимо его воли' [Человек: 108]; *вбить (вбивать) осиноый кол* 'окончательно обезвредить (обезвредить) кого-, что-либо, покончить с чем-либо (от суеверного обычая вбивать кол в могилу колдуна)' [ФСРЯ: 112]; *целовать (поцеловать) крест* 'целуя крест, давать (дать) клятву, присягу, присягать' [ФСРЯ: 112] и т.д.

- Сакральное пространство: *бог ведает куда* ‘куда угодно/уйти, убежать и т.д.’ [ФСРЛЯ: т.1, 32]; *бог знает куда* ‘очень далеко’ [ФСРЛЯ: т.1, 33]. Главная особенность сакрального пространства в том, что оно не определено. Это что-то неясное, загадочное, следовательно, не имеющее четко определенных пространственных ориентиров. Даже если и встречаются какие-либо реалии, то чаще всего они передают значение ‘что-то далекое, неясное’. Например, *к черту на кулички* ‘очень далеко, в отдаленные, глухие места уезжать, отправляться’ [ФСРЯ: 320]. В данном фразеологизме особую роль играет архаизированный лексический компонент *кулички* ‘где-то далеко в лесу’ [КЭСРЯ: 226], который усиливает значение удаленности и неопределенности места пребывания сакрального субъекта. Фразеологизм *к черту на кулички* имеет варианты с тем же значением. Например, *к черту рога, к чертям на пасеку, к чертям на бутылки*. Понятие неопределенности очень тесно связано с понятием сакральной негарантированности (термин С.Г. Шиндина), пространство в анализируемых фразеологических оборотах сакрально негарантированно, то есть опасно для человека, он чувствует себя в нем незащищенным от сверхъестественных сил.

- Сакральное время: *В чистый понедельник* ‘в первый понедельник великого поста’ [ФСРЯ: 322]; *в чистый четверг* ‘в последний четверг перед Пасхой’ [ФСРЯ: 322]. Сакральное время во фразеологических оборотах так же, как и сакральное пространство, является неопределенным. Ср.: *бог весть когда, бог знает когда, черт знает когда* ‘неизвестно, никто не знает когда’. Данные фраземы передают значение временной неопределенности. При этом фразеологизмы с сакральным компонентом *бог, черт* имеют местоименные эквиваленты: *никто не знает когда // кто его знает*. Сакральные компоненты в составе фразеологизмов можно заменить и существительными, не имеющими сакрального значения или выступающими в качестве табуированных обозначений сакрального субъекта, например, *пес знает когда*.

Интерпретация устойчивых языковых форм с сакральным компонентом предполагает рассмотрение их семантических функций в зависимости от сохранения или утраты ими исходно-

го сакрального смысла, описание причин десакрализации, выявление критериев, позволяющих судить о стадиях этого процесса. Необходимо при этом учитывать два факта:

а) наличие в языке значительного количества идиом, включающих лексический сакральный компонент, но даже изначально не несущих сакрального содержания. Ср.: *С чистого не воскреснешь, с поганого не треснешь* 'о допустимости быть неаккуратным' [ФСРГС: 31]; *В крещенье льда не выпросить* 1. 'Ничего не выпросить'. 2. 'О крайне скупом человеке' [ФСРГС: 38];

б) случаи невыраженности сакрального компонента отдельными лексическими единицами (такие идиомы наиболее сложны для интерпретации). Ср.: *Накованный глаз* 'по суеверным представлениям: взгляд недоброжелательного человека, причиняющий вред, приносящий беду, несчастье' [ФСРГС: 42]; *Место глядеть* 'в свадебном обряде смотреть дом и хозяйство жениха'. Дом, вообще место бытования, имеет для человека большое значение, поскольку это единственное сакрально гарантированное пространство, то есть такое пространство, в котором он чувствует себя защищенным от различных бед, от действий нечистой силы. Поэтому при переезде на другое место (в данном случае в дом мужа), человек (например, родители невесты) должны быть уверены в его защищенности.

Определение «относительной устойчивости» фразеологизмов с сакральным компонентом важно для характеристики их как в плане диахронной, так и в плане синхронной (вариативной формально-смысловой) динамики (соотносительности таких фразем с их табуированными или просто экспрессивными эквивалентами). Анализ словарных материалов дает возможность говорить о наличии определенных моделей вариативного выражения сакрального значения (ср. широкий спектр номинаций демонологических персонажей в составе устойчивых выражений: *на кой черт // леший // бес // ляд // хрен; будто бес // черт // дьявол // злой дух вселился; черт с ним // пес с ним // шут с ним // хрен с ним* и т.п.).

Развитие значений фразем с сакральным компонентом во многом определяется стереотипами национального сознания. Так, в народном сознании нежелательные или преступные действия связываются с влиянием нечистой силы (*бес попутал, ле-*

ший //черт дернул), отрицательные качества человека подчеркиваются сравнениями с нечистой силой или с действиями нечистой силы в определенных ситуациях; хороший результат или избежание плохого результата, а также обладание человека каким-либо талантом приписывается влиянию сверхъестественных сил (*Бог не обидел, Бог миловал, Бог не выдаст, свинья не съест*).

Семантические сдвиги ведут к изменению функционала подобных выражений, которые начинают использоваться как экспрессы и/или даже как инвективы. В подобных случаях можно говорить о десакрализованных фразеологизмах, т.е. о фразеологизмах с исходной сакральной семантикой, которые в современном речевом употреблении развили новые – профанные – ассоциативные смыслы или вообще десемантизировались.

Общая тенденция при десакрализации – десемантизация фразеологизмов, приобретение ими междометного характера (*черт знает что такое* - ‘выражение возмущения, негодования, крайнего недоумения по поводу чего-либо’, ср. также ритуальные формулы с изначально сакральным компонентом (- *Ни пуха, ни пера!* - *К черту!* и т.п.). Вообще самым ярким примером процесса десемантизации является группа фразеологизмов, содержащих в качестве компонента названия нечистой силы: *черт дернул, бес (леший) попутал, пошел (иди) к черту, чур меня, черта лысого, обдериха виновата* и др. Но, несмотря на процессы переосмысления исходного значения и даже полной десемантизации, фразеологические обороты всегда остаются культурно маркированными, и лингвистическая рефлексия над этими языковыми структурами дает возможность обнаружить в них глубинный мифопоэтический смысл.

В качестве частных тенденций изменения семантики фразем при их десакрализации можно отметить следующие:

1) синонимизация единиц, содержащих исходный сакральный компонент с прямо противоположной коннотацией (ср. *черт его знает* – *Бог его знает, черт с ним* – *Бог с ним*). Правда, такая синонимизация является неполной, поскольку лексемы *черт* и *Бог* обладают до сих пор ярко выраженной коннотацией отрицательной и положительной оценки, а следовательно, разной экспрессией (так, существует выражение *не поминай Бога*

всue и противоположное *не поминай черта к ночи, не черты-хайся*. Верующие люди не используют выражение *черт его знает*, очевидно, из-за осознания отрицательного сакрального смысла слова). С психологической точки зрения появление таких семантически дублетных формул можно объяснить безотчетным страхом человека перед сверхъестественными силами, как божественными, так и демоническими: «Расщепление сакрального порождает добрых и злых духов, жреца и колдуна, Бога и дьявола, однако в отношении верующих к каждому из этих особенных проявлений сакрального проступает та же амбивалентность, что и в их поведении перед лицом его нераздельных проявлений» [Кайуа 2003: 166];

2) перевод сакрального смысла в область профанного сопровождается появлением у фразем общего значения неопределенности (неопределенного времени: *Бог весть, когда*, неопределенного пространства: *к черту на кулички* и т.п.). В качестве семантической модификации значения неопределенности может рассматриваться гиперболизация признака, выражаемого фраземой с сакральным компонентом (*чертова пропасть* - 'очень много, огромное количество');

3) наличие образности и экспрессивности как следствие актуализации (выражения определенного эмоционального отношения к сверхъестественной силе) или деактуализации сакрального компонента (при превращении таких фразем в экспрессемы, не соотносительные с первоначальным сакральным значением). Этот процесс сопровождается формированием эмоционально-оценочных оппозиций. Так, фразема *ради Бога* может употребляться и в значении 'пожалуйста, очень прошу. Выражение усиленной просьбы, мольбы', и в значении 'мне все равно, безразлично, что ты будешь делать, делай, что хочешь'.

4) переход фразеологизмов с сакральным компонентом в ряд экспрессем со значением интенсивности проявления признака. Например, *ни к черту* 'совсем плохо, никуда не годен в каком-либо отношении'; *до черта* 'очень сильно, до крайней степени'; *черта с два* 'нет, вовсе нет'. Выражение категорического отрицания, возражения, несогласия в сочетании с возмущением, негодованием, негативное отношение.

Таким образом, преобразования фразем с сакральным компонентом (как формальные, так и семантические) являются своего рода индикатором динамики стереотипов восприятия «сверхъестественного» как фрагмента языковой картины мира.

Литература

Кайуа Роже. Человек и сакральное. – М., 2003.

Воробьева Н.А., Коновалова Н.И. Сакральное в языковой идиоматике // *Linguistica juvenis.* Вып.6. – Екатеринбург, 2005.

Словари и источники материала

Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. – М., 2004.

Атеистический словарь /под ред. М.П.Новикова. – М., 1984.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных. М., 2004. – 318 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка./Сост. А.Н. Тихонов. – М., 2003.

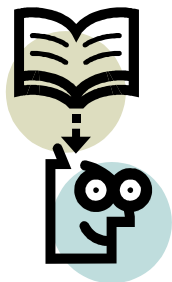
ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка в 2-х т./ Сост. А.И.Федоров. – Новосибирск, 1995.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири /Под ред. А.И.Федорова. – Новосибирск, 1983.

Энциклопедический словарь по культурологии /Под ред. А.А.Радугина. – М., 1997.

ЭС – Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья /Сост. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. – Пермь, 2004.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., 2001.

Бердичевский А.Л. Является ли русский язык международным? // Мир русского слова, №1, 2000. С.29-37.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963.

Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. – М., 1989.

Васянина Е.Ю. Прогулки по Интернету // Мир русского слова, №1, 2000. С.76-80.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб., 2004.

Вежбицка А. Язык, культура, познание. – М., 1996.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002

Власова М.Н. Русские суеверия. – СПб, 2000.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб., 2001.

Гольцман Е.Е. Дурной глаз и порча. – М., 1996.

Гридина Т.А. Онтолингвистика. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2003.

Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии. – Свердловск, 1989.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Внутренняя форма слова как отражение языкового сознания интерпретатора: мотивационная вариативность ономастических структур // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. –

СПб, 2001.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Динамика мотивационных связей и информативная функция слова // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. – Екатеринбург, 1994.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1993.

Душков Б.А. Психология типов личности, народов и эпох. – Екатеринбург, 2001.

Еремеев П.В. Обиход. – М., 1990.

Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь, 1992.

Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. – Киев, 1993.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., 2002.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975.

Коновалова Н.И. Этнокультурные стереотипы в русской фоникике // Язык. Сознание. Этнос. Культура. – М., 1994.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е. – М., 2003.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб., 1999.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М., 2001.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М, 1994.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. –

М., 1995.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб., 2003.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 1996.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. – М., 1994.

Никитина А.В. Русская традиционная культура: Учебное пособие для иностранцев. – СПб., 2002.

Никитина Т.Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. – Псков, 1998.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Панкеев И.А. Тайны русских суеверий. – М., 1997.

Потебня А.А. Мысль и язык // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.

Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М., 1998.

Пропп В.Я. Морфология / Исторические корни волшебной сказки. – М., 1998.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2003.

Развитие личности ребенка от трех до пяти / Сост. В.Н.Ильина. – Екатеринбург, 2004.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1992.

Рут М.Э. Русская народная астрономия. – Свердловск, 1987.

Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М., 2000.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1998.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь /Под ред. Н.И.Толстого. – М., 2004. Т.1-3.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001

Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. – М., 1996.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

Толстая С.М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение, 1994, №5. С.91-97.

Толстая С.М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. – М., 2005.

Толстая С.М., Толстой Н.И. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1988, с. 250-264.

Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. О теории словесности и структуре текста. Антология. – М., 1997.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995.

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 1990. §77-80.

Хачатурова С.С. Русский язык: объект изучения или средство общения? // Мир русского слова, №1, 2000. С.38-46.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001.

Языки как образ мира. – М. – СПб., 2003.

Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М., 1999.

Юнг К. Архетип и символ. – М., 1991.

Приложение 1.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ О РЕГИОНАЛЬНЫХ
ЯЗЫКАХ И ЯЗЫКАХ МЕНЬШИНСТВ**

Преамбула

Государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящую Хартию,

<...> Учитывая, что защита исторических региональных языков и языков меньшинств Европы, некоторые из которых могут со временем исчезнуть, способствует сохранению и развитию культурных традиций и культурного достояния Европы;

Принимая во внимание, что право пользоваться региональными языками или языками меньшинств в личной и общественной жизни является неотъемлемым правом в соответствии с принципами, содержащимися в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах, и в соответствии с духом Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод;

<...> Подчеркивая важность многоязычия и взаимодействия между культурами, а также принимая во внимание, что защита и развитие региональных языков или языков меньшинств не должны проводиться в ущерб официальным языкам и необходимости изучать их;

Сознавая, что защита и развитие региональных языков меньшинств в различных странах и регионах Европы являются важным вкладом в строительство новой Европы, основанной на принципах демократии и разнообразия культур в рамках национального суверенитета и территориальной целостности <...>,

Договорились о нижеследующем:

ЧАСТЬ I

Общие положения

Статья 1 - Определения

В контексте настоящей Хартии:

а) термин "региональные языки или языки меньшинств" употребляется в отношении тех языков, которые:

- традиционно используются на территории государства гражданами этого государства, которые образуют группу,

меньшую в численном отношении, чем остальное население данного государства; и

- отличные от официального(-ных) языка(-ов) этого государства;

- этот термин не распространяется на диалекты основного(-ных) языка(-ов) и на язык мигрантов;

б) под термином "территория, на которой используется региональный язык или язык меньшинства" понимается географическое пространство, на котором этот язык служит средством общения достаточного числа лиц, чтобы оправдать принятие различных мер по защите и развитию языка, предусмотренных настоящей Хартией;

в) под термином "языки, не имеющие территории" понимаются языки, используемые гражданами государства, отличные от языка(-ов), используемого(-ых) остальной частью населения, но эти языки, хотя и используются традиционно на территории государства, тем не менее не могут быть прямо привязаны в конкретному географическому пространству на этой территории.

Статья 4 - Существующие защитные механизмы

1. Ни одно из положений настоящей Хартии не может быть истолковано как ограничивающее или исключаящее (отступающее от) права, гарантируемые Европейской Конвенцией о правах человека.

2. Положения настоящей Хартии не наносят ущерба более благоприятным положениям, регулирующим статус региональных языков или языков меньшинств или юридический статус лиц, принадлежащих к меньшинствам, которые уже действуют в одной из Сторон или предусмотрены соответствующими двусторонними или многосторонними международными соглашениями.

ЧАСТЬ II

Статья 7 - Цели и принципы

1. В отношении региональных языков или языков меньшинств на территориях, где эти языки используются и в соответствии со статусом каждого языка Стороны должны строить свою политику, свое законодательство и свою практическую

деятельность в соответствии со следующими целями и принципами:

а) признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния;

б) соблюдение географического пространства каждого регионального языка или языка меньшинства, следя за тем, чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства;

в) необходимость решительных действий по развитию региональных языков или языков меньшинств для сохранения этих языков;

г) содействие и/или поощрение устного или письменного использования региональных языков или языков меньшинств в общественной и в частной жизни;

д) поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки;

е) предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств;

ж) предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему;

з) содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях;

и) развитие соответствующих форм транснационального обмена в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии по региональным языкам или языкам меньшинств, используемых в одинаковой или близкой форме в двух или более государствах.

2. Стороны обязуются устранять, если это ими еще не сделано, любые формы неоправданного различия, исключения, огра-

ничения или предпочтения в связи с использованием регионального языка или языка меньшинства, если они направлены на то, чтобы сохранение или развитие языка не поощрялось или ставилось под сомнение. Принятие специальных мер в пользу региональных языков или языков меньшинств для достижения большего равенства между носителями этих языков и остальным населением либо с учетом их особого статуса не считается дискриминационным действием против носителей более распространенных языков.

3. Стороны обязуются содействовать с помощью соответствующих мер большему взаимопониманию между всеми языковыми группами страны, ставя, в частности, как одну из целей образования и профессиональной подготовки в государстве уважение, понимание и терпимость в отношении региональных языков и языков меньшинств, а также поощрять для этой цели развитие средств массовой коммуникации.

4. При определении своей политики в области региональных языков или языков меньшинств Стороны обязуются учитывать потребности и пожелания групп, использующих эти языки. Приветствуется создание Сторонами в случае необходимости органов, которые могут давать консультации властям по всем вопросам, относящимся к региональным языкам или языкам меньшинств.

5. Стороны обязуются применять *mutatis mutandis* (внося необходимые изменения) изложенные в параграфах с 1 по 4 настоящей Статьи принципы к языкам, не имеющим территории. Однако в конкретных случаях таких языков, характер и масштабы принимаемых во исполнение настоящей Хартии мер должен определяться гибко, с учетом потребностей и пожеланий групп, говорящих на таких языках, и с соблюдением их традиций и специфических особенностей.

ЧАСТЬ III

Меры по использованию региональных языков или языков меньшинств в общественной жизни

Статья 8 - Образование

1. В области образования Стороны обязуются по отношению к территории, на которой используются эти языки и с учетом

статуса каждого из этих языков, а также без ущерба для преподавания официального(-ых) языка(-ов) государства:

а) предусмотреть возможность дошкольного воспитания на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть возможность осуществления значительной части дошкольного воспитания на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- применять любую из предусмотренных выше мер по крайней мере к детям из тех семей, которые этого пожелают и число которых будет сочтено достаточным; или

- если органы государственной власти не имеют прямого воздействия на систему дошкольного образования, то содействовать и/или поощрять применение мер, предусмотренных в пунктах настоящей Статьи;

б) предусмотреть возможность начального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть возможность осуществления значительной части начального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- обеспечить в рамках начального образования включение в расписание в качестве составной части программы изучение соответствующих региональных языков или языков меньшинств; или

- применять любую из предусмотренных выше мер по меньшей мере к тем ученикам, семьи которых желают этого и число которых будет сочтено достаточным;

в) предусмотреть возможность среднего образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть возможность осуществления значительной части среднего образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть в рамках среднего образования преподавание региональных языков или языков меньшинств в качестве составной части учебной программы; или

- применять любую из мер, предусмотренных выше, по крайней мере к тем ученикам, которые этого пожелают или, при необходимости, чьи семьи этого пожелают - если их число будет сочтено достаточным;

г) предусмотреть возможность технического и профессионального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть возможность осуществления значительной части технического и профессионального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть в рамках технического и профессионального образования преподавание соответствующих региональных языков или языков меньшинств в качестве составной части учебной программы; или

- применять любую из мер, предусмотренных выше, по крайней мере к тем ученикам, которые этого пожелают или, при необходимости, чьи семьи этого пожелают - если их число будет сочтено достаточным;

д) предусмотреть возможность университетского и других форм высшего образования на региональных языках или языках меньшинств; или

- предусмотреть изучение этих языков в качестве одной из дисциплин университетского или иного высшего образования; или

- если в силу статуса государства по отношению к высшим учебным заведениям пункты статьи не могут быть применены, то содействовать и/или разрешать введение университетского или иного высшего образования на региональных языках или языках меньшинств, или выделение средств, позволяющих изучать эти языки в университетах или других высших учебных заведениях;

е) принимать меры по организации курсов для взрослых или непрерывного образования, где обучение ведется главным образом или полностью на региональных языках или языках меньшинств; или

- предлагать такие языки в качестве дисциплин для изучения взрослыми и в рамках непрерывного образования; или

- если государственные органы власти не имеют права прямого воздействия в области образования для взрослых, то содействовать и/или поощрять преподавание этих языков в рамках образования для взрослых и непрерывного образования;

ж) принимать меры по обеспечению преподавания истории и культуры, выражением которых является соответствующий региональный язык или язык меньшинства;

з) обеспечить первоначальную и постоянную профессиональную подготовку преподавателей в необходимом объеме для применения тех параграфов от а) до ж), с которыми согласится Сторона;

и) создать один или несколько органов контроля для наблюдения за исполнением принятых мер и за достижениями в области введения и развития преподавания региональных языков или языков меньшинств и составления об этом регулярных отчетов, которые затем публикуются.

2. В том, что касается преподавания на территориях, где не используются традиционно региональные языки или языки меньшинств, Стороны обязуются разрешать, поощрять или вводить, если число говорящих на соответствующем региональном языке или языке меньшинства для этого достаточно, преподавание на этом языке или этого языка на соответствующих этапах обучения.

Статья 9 - Правосудие

1. В том, что касается судебных органов, где проживает достаточное число лиц, говорящих на региональных языках или языках меньшинств, чтобы оправдать введение предусмотренных ниже мер, стороны обязуются, в соответствии со статусом каждого из этих языков и при условии, что суд не сочтет использование предоставляемых настоящим параграфом возможностей препятствием к нормальному отправлению правосудия:

а) в уголовном судопроизводстве:

- предусмотреть возможность ведения разбирательства по просьбе одной из сторон на региональных языках или языках меньшинств; и/или
- гарантировать обвиняемому право изъясняться на своем региональном языке или языке меньшинства; и/или

- не допускать, чтобы заявления и доказательства в письменной или устной форме не принимались только потому, что они изложены на региональном языке или языке меньшинства,

- составлять, если поступит просьба об этом, документы, относящиеся к судебному разбирательству, на соответствующем региональном языке или языке меньшинства, при необходимости, обращаясь к устным или письменным переводчикам без дополнительных расходов для нуждающихся в переводе;

б) в гражданском судопроизводстве:

- предусмотреть возможность ведения разбирательства по просьбе одной из сторон на региональных языках или языках меньшинств; и/или

- если сторона в споре должна явиться в суд лично, то разрешать ей изъясняться на своем региональном языке или языке меньшинства без несения в связи с этим дополнительных расходов; и/или

- разрешать представление документов и доказательств на региональных языках или языках меньшинств, при необходимости обращаясь к устным или письменным переводчикам;

в) в административном производстве:

- предусмотреть возможность ведения разбирательства по просьбе одной из сторон на региональных языках или языках меньшинств; и/или

- если сторона в споре должна явиться в суд лично, то разрешить ей изъясняться на своем региональном языке или языке меньшинства без несения в связи с этим дополнительных расходов; и/или

- разрешать представление документов и доказательств на региональных языках или языках меньшинств, при необходимости обращаясь к устным или письменным переводчикам;

г) принимать меры с тем, чтобы применение пунктов настоящей Статьи и возможное обращение к переводчикам и использование письменных переводов не влекло дополнительных расходов для нуждающихся в переводе.

2. Стороны обязуются:

а) не считать недействительными подготовленные в государстве юридические акты только на том основании, что они составлены на региональном языке или языке меньшинства;

б) не считать недействительными между сторонами подготовленные в государстве юридические акты только на том основании, что они составлены на региональном языке или языке меньшинства, и предусмотреть, что они будут иметь юридическую силу в отношении заинтересованных третьих лиц, не говорящих на этих языках, при условии, что содержание акта будет доведено до их сведения тем лицом, которое их предъявляет; или

в) не считать недействительными между сторонами юридические акты, подготовленные в государстве, только на том основании, что они составлены на региональном языке или языке меньшинства.

3. Стороны обязуются сделать доступными на региональных языках или языках меньшинств наиболее важные законодательные акты государства, а также те документы, которые особо касаются пользователей этими языками, если только эти документы уже не поступили в их распоряжение иным образом.

Статья 10 - Административные органы власти и государственные службы

1. В тех административных округах государства, где проживает достаточное число носителей региональных языков или языков меньшинств, чтобы оправдать ниже перечисленные меры и в зависимости от статуса каждого языка Стороны обязуются, в той мере, насколько это является разумно возможным:

а) следить за тем, чтобы эти административные органы власти использовали региональные языки или языки меньшинств; или

- следить за тем, чтобы те из сотрудников этих органов, которые вступают в контакт с общественностью, пользовались региональными языками или языками меньшинств при общении с лицами, которые обращаются к ним на этих языках; или

- следить за тем, чтобы носители региональных языков или языков меньшинств могли обращаться с письменными и устными заявлениями и получать на них ответы на этих языках; или

- следить за тем, чтобы носители региональных языков или языков меньшинств могли обращаться с устными или письменными заявлениями на этих языках; или

- следить за тем, чтобы носители региональных языков или языков меньшинств могли в установленном порядке представить документ, составленный на таких языках;

б) выпускать формуляры или текущие административные документы для населения на региональных языках или языках меньшинств либо в двуязычном варианте;

в) разрешать административным органам власти составлять документы на региональном языке или языке меньшинства.

2. В отношении местных и региональных органов власти на территориях, где проживает достаточное для применения нижеперечисленных мер число носителей региональных языков или языков меньшинств, Стороны обязуются разрешать и/или поощрять:

а) использование региональных языков или языков меньшинств в рамках региональной или местной административной деятельности;

б) возможность для носителей региональных языков или языков меньшинств представлять устные или письменные заявления на этих языках;

в) публикацию региональными органами власти официальных документов равным образом и на региональных языках или языках меньшинств;

г) публикацию местными органами власти официальных документов равным образом и на региональных языках или языках меньшинств;

д) использование на региональном уровне региональных языков или языков меньшинств в ходе прений в выборных органах, не исключая при этом использования официального(-ных) языка(-ов) государства;

е) использование на местном уровне региональных языков или языков меньшинств в ходе прений в выборных органах, не исключая при этом использования официального(-ных) языка(-ов) государства;

ж) использование или введение, при необходимости вместе с наименованием на официальном(-ных) языке(-ах), традиционных правильных топонимических названий на региональных языках или языках меньшинств.

3. В отношении государственных услуг, предоставляемых административными органами власти или другими действующими от их имени лицами, Договаривающиеся Стороны обязуются, на территориях, где используются региональные языки или языки меньшинств и в соответствии со статусом каждого языка, а также в той мере, в какой это является разумно возможным:

а) следить за тем, чтобы при оказании услуг использовались региональные языки или языки меньшинств; или

б) разрешать носителям региональных языков или языков меньшинств составлять заявления и получать ответ на этих языках; или

в) разрешать носителям региональных языков или языков меньшинств составлять заявления на этих языках.

4. Для применения тех положений параграфов 1, 2 и 3, с которыми они согласились, Стороны обязуются принять одну или несколько из следующих мер:

а) письменный или устный перевод, если это потребуется;

б) набор, а при необходимости - подготовку сотрудников и других государственных служащих в достаточном количестве;

в) удовлетворение по мере возможности просьб государственных служащих, владеющих региональным языком или языком меньшинства, о назначении их на территории, где используется этот язык.

5. Стороны обязуются разрешать по просьбе заинтересованных лиц использование или взятие фамилий на региональных языках или языках меньшинств.

Статья 11 - Средства массовой информации

1. Стороны обязуются в интересах носителей региональных языков или языков меньшинств на территориях, где эти языки используются и с учетом статуса каждого языка, в той мере, в какой органы государственной власти прямо или косвенно имеют компетенцию, права или определенную роль в этом плане, соблюдая принципы независимости и самостоятельности средств массовой информации:

а) в той мере, в какой радио и телевидение выполняют функции государственной службы:

- обеспечить создание по меньшей мере одной радиостанции и одного телевизионного канала, ведущих вещание на региональных языках или языках меньшинств; или

- поощрять и/или способствовать созданию по меньшей мере одной радиостанции и одного телевизионного канала, ведущих вещание на региональных языках или языках меньшинств; или

- принимать соответствующие меры для того, чтобы телерадиовещание включало в программы некоторые передачи на региональных языках или языках меньшинств;

б) поощрять и/или способствовать созданию по меньшей мере одной радиостанции, ведущей вещание на региональных языках или языках меньшинств; или

- поощрять и/или способствовать регулярному включению в радиопрограммы передач на региональных языках или языках меньшинств;

в) поощрять и/или содействовать созданию по меньшей мере одного телевизионного канала на региональных языках или языках меньшинств; или

- поощрять и/или способствовать регулярному включению в телепрограммы передач на региональных языках или языках меньшинств;

г) поощрять и/или способствовать созданию произведений для радио и телевидения и передаче их по радио и телевидению на региональных языках или языках меньшинств;

д) поощрять и/или способствовать созданию и/или сохранению по меньшей мере одного печатного органа на региональных языках или языках меньшинств; или

- поощрять и/или содействовать регулярному опубликованию в прессе статей на региональных языках или языках меньшинств;

е) взять на себя дополнительные расходы средств массовой информации, использующих региональные языки или языки меньшинств, если законодательство вообще предусматривает оказание финансовой помощи средствам массовой информации; или

- распространять существующие меры финансовой помощи на аудиовизуальную продукцию на региональных языках или языках меньшинств;

ж) оказывать поддержку профессиональной подготовке журналистов и других сотрудников средств массовой информации, использующих региональные языки и языки меньшинств.

2. Стороны обязуются гарантировать свободный прямой прием радио- и телепередач из соседних стран на языке, используемом в такой же или похожей форме, как региональные языки или языки меньшинств в стране, и не препятствовать ретрансляции радио- и телепередач из соседних стран на таком языке. Они обязуются также следить за тем, чтобы никакие ограничения свободы выражения и свободного обмена информацией на языке, используемом в такой же или похожей форме, как региональный язык или язык меньшинства в стране, не устанавливались для печатных средств массовой информации. Осуществление вышеназванных свобод, связанное с определенными обязанностями и ответственностью, может быть обусловлено некоторыми предусмотренными законом формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые представляют собой необходимые в демократическом обществе меры для обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности или общественной безопасности, охраны правопорядка и предупреждения преступности, охраны здоровья или морали, защиты репутации и прав других лиц, для недопущения разглашения конфиденциальной информации или для обеспечения авторитета и беспристрастности судебной власти.

3. Стороны обязуются следить за тем, чтобы интересы носителей региональных языков или языков меньшинств были представлены или учитывались в рамках структур, которые могут быть созданы в соответствии с законом для гарантирования свободы и плюрализма средств массовой информации.

Статья 12 - Культурная деятельность и культурные учреждения

1. В отношении культурной деятельности и культурных учреждений, в частности, библиотек, видеотек, культурных центров, музеев, архивов, академий, театров и кинотеатров, а также литературных произведений и кинематографической продукции, народного творчества, фестивалей, промыслов, в том числе с использованием новейшей технологии, Стороны обязуются, на тех территориях, где используются такие языки и в пределах

компетенции, полномочий или роли государственных органов власти:

а) поощрять возможности самовыражения и поддерживать инициативы, относящиеся к региональным языкам или языкам меньшинств, а также содействовать различным возможностям доступа к произведениям на этих языках;

б) содействовать различным возможностям доступа на других языках к произведениям, создаваемым на региональных языках или языках меньшинств, поддерживая и развивая деятельность по переводу, дублированию, постсинхронному переводу и субтитрованию;

в) содействовать различным возможностям доступа на региональных языках или языках меньшинств к произведениям, создаваемым на других языках, поддерживая и развивая деятельность по переводу, дублированию, постсинхронному переводу и субтитрованию;

г) следить за тем, чтобы организации, отвечающие за проведение или содействие различным формам культурных мероприятий, обеспечивали в соответствующем объеме применение знаний и использование практики региональных языков и культур, а также языков и культурных традиций меньшинств в тех мероприятиях, которые они организуют или которым оказывают поддержку;

д) содействовать привлечению на работы в те организации, которые занимаются организацией или поддержкой культурных мероприятий, сотрудников, владеющих региональным языком или языком меньшинства наряду с языком(-ами), на котором(-ых) говорит остальная часть населения;

е) содействовать прямому участию представителей носителей регионального языка или языка меньшинства в работе культурных учреждений или в планировании культурных мероприятий;

ж) поощрять и/или содействовать созданию одного или нескольких органов, занимающихся сбором, депонированием, презентацией или публикацией произведений на региональных языках или языках меньшинств;

з) при необходимости создавать и/или развивать и финансировать услуги по переводу и по разработке терминологии, в частности, для того, чтобы поддерживать и развивать на каждом

из региональных языков или языков меньшинств надлежащую административную, коммерческую, экономическую, социальную, технологическую или юридическую терминологию.

2. На тех территориях, где традиционно не используются региональные языки или языки меньшинств, Стороны обязуются разрешать, поддерживать и/или предусматривать, если это оправдано количеством носителей регионального языка или языка меньшинства, соответствующие виды культурной деятельности или культурные учреждения в соответствии с предыдущим параграфом.

3. Стороны обязуются уделять надлежащее место в своей культурной политике за рубежом региональным языкам или языкам меньшинств и той культуре, средством выражения которой они являются.

Статья 13 - Экономическая и социальная жизнь

1. В отношении экономической и социальной деятельности Стороны обязуются в масштабе всей страны:

а) исключить из своего законодательства любое положение, запрещающее или ограничивающее без веских причин использование региональных языков или языков меньшинств в документах, относящихся к экономической и социальной жизни, в частности, в трудовых соглашениях и в технических документах, таких как способ применения того или иного вида продукции или оборудования;

б) запрещать включение во внутренние правила предприятий или в частные акты пунктов, исключающих или ограничивающих использование региональных языков или языков меньшинств по крайней мере между носителями одного и того же языка;

в) не допускать в рамках экономической или социальной деятельности практики, направленной на отказ от использования региональных языков или языков меньшинств;

г) содействовать и/или поощрять иными способами помимо перечисленных выше использование региональных языков или языков меньшинств.

2. В области экономической и социальной деятельности Стороны обязуются в пределах компетенции государственных ор-

ганов власти на территории, где используются региональные языки или языки меньшинств и в рамках разумно возможного:

а) определять в своем финансовом и банковском законодательстве конкретные возможности для использования на совместимых с коммерческими обычаями условиях региональных языков или языков меньшинств при составлении платежных поручений (чек, вексель и т.д.) либо других финансовых документов или, при необходимости, обеспечить принятие таких положений;

б) проводить в экономических и социальных секторах, непосредственно или контролируемых (государственный сектор) меры, направленные на поощрение использования региональных языков или языков меньшинств;

в) обеспечивать, чтобы учреждения социальной сферы, такие как больницы, дома престарелых, приюты, имели возможность принимать и лечить носителей регионального языка или языка меньшинства, которые нуждаются в заботе из-за состояния здоровья, по возрасту или по иным причинам, говоря с ними на их языке;

г) обеспечивать соответствующими средствами издание инструкций по безопасности также на региональных языках или языках меньшинств;

д) сделать доступными на региональных языках или языках меньшинств информацию от компетентных органов относительно прав потребителей.

Статья 14 - Трансграничные контакты

Стороны обязуются:

а) применять существующие двусторонние и многосторонние соглашения к государствам, где используется тот же язык в одной и той же или похожей форме или стремиться, при необходимости, к заключению таких соглашений с тем, чтобы содействовать контактам между носителями одного и того же языка в таких государствах в области культуры, образования, информации, профессионального обучения и непрерывного образования;

б) содействовать и/или поощрять в интересах региональных языков или языков меньшинств трансграничное сотрудничество, в частности, между местными или региональными образования-

ми, на территории которых используется в одинаковой или схожей форме один и тот же язык.

Совершено в Страсбурге 5 ноября 1992 года на французском и английском языках, причем оба текста являются равно аутентичными, в единственном экземпляре, который сдается на хранение в архив Совета Европы. Генеральный Секретарь Совета Европы направит заверенную копию Хартии каждому из государств-членов Совета Европы и любому государству, которому будет предложено присоединиться к настоящей Хартии

ЗАКОН
Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики
О языках народов РСФСР

Вводная часть

Языки народов РСФСР - национальное достояние Российского государства. Они являются историко-культурным наследием и находятся под защитой государства.

Языки народов РСФСР - важнейший элемент культуры; основная форма проявления национального и личного самосознания.

Языковая ситуация в РСФСР характеризуется многообразием форм функционирования языков разных народов в различных сферах общения.

На территории Российской Федерации с ее многонациональным населением традиционно сложившейся нормой языкового сосуществования является двуязычие и многоязычие.

Настоящий закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов РСФСР и призван стать основой для формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц, разработки подзаконных и нормативных актов в целях реализации положений данного Закона.

Государство на всей территории РСФСР способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия.

В РСФСР недопустимы пропаганда вражды и пренебрежения к любому языку, создание противоречащих конституционно установленным принципам национальной политики препятствий, ограничений и привилегий в использовании языков, иные нарушения законодательства о языках народов РСФСР и республик в составе РСФСР.

Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Законодательство РСФСР о языках народов РСФСР

1. Законодательство РСФСР о языках народов РСФСР состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним иных законодательных актов РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Настоящий Закон охватывает сферы языкового общения, подлежащие правовому регулированию, и не устанавливает юридические нормы использования языков народов РСФСР в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций.

Статья 2. Государственные гарантии языкового суверенитета народов и личности

1. Языковой суверенитет - совокупность прав народов и личности на сохранение и всесторонне развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения.

2. На территории РСФСР государством гарантируется языковой суверенитет каждого народа независимо от его численности и правового положения и языковой суверенитет личности независимо от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания.

3. Языковой суверенитет народов и личности охраняется законом. Никто не вправе навязывать человеку использование того или иного языка помимо его воли, кроме случаев, предусмотренных законодательством РСФСР. Нормы, устанавливаемые настоящим Законом, распространяются на граждан РСФСР, а также на лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РСФСР.

Статья 3. Правовое положение языков

1. Государство признает равные права всех языков народов РСФСР на их сохранение и развитие. Все языки народов РСФСР пользуются поддержкой государства.

2. Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов РСФСР в соответствии со сло-

жившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка РСФСР на всей территории РСФСР.

3. Республики в составе РСФСР в соответствии с настоящим Законом самостоятельно принимают решения о правовом положении языков народов, проживающих на их территориях. Республики в составе РСФСР могут устанавливать статус государственного языка республики в составе РСФСР.

4. В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик в составе РСФСР, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Статья 4. Гарантии защиты языков народов РСФСР

1. Языки народов РСФСР пользуются защитой государства. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти РСФСР гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов РСФСР.

2. Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов РСФСР на территории РСФСР.

3. Экономическая защита языков предполагает целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение государственных и научных программ для сохранения и развития языков народов РСФСР, проведение в этих целях льготной налоговой политики.

4. Юридическая защита языков предполагает обеспечение ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства РСФСР о языках народов РСФСР.

Статья 5. Гарантии прав граждан РСФСР вне зависимости от их знания языка

1. Государство гарантирует гражданам РСФСР осуществление основных политических, экономических, социальных и

культурных прав вне зависимости от их знания какого-либо языка.

2. Знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых прав граждан РСФСР. Нарушение языковых прав народов и личности влечет за собой ответственность согласно закону.

Статья 6. Компетенция РСФСР в сфере охраны, изучения и использования языков народов РСФСР

Ведению РСФСР в лице высших органов государственной власти республики в сфере охраны и использования языков народов РСФСР подлежат:

установление общих принципов законодательства РСФСР о языках народов РСФСР;

обеспечение функционирования русского языка как государственного языка;

содействие развитию государственных языков республик в составе РСФСР;

создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами;

содействие изучению языков народов РСФСР за пределами РСФСР.

Статья 7. Государственные программы сохранения и развития языков народов РСФСР

1. Государственные программы РСФСР и республик в составе РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР разрабатываются соответствующими органами законодательной и исполнительной власти, утверждаются Верховным Советом РСФСР и Верховными Советами республик в составе РСФСР. Их реализацию в установленные сроки обеспечивают органы исполнительной власти.

Финансирование государственных программ сохранения и развития языков народов предусматривается при составлении бюджетов всех уровней.

2. Государственные программы сохранения и развития языков предусматривают такие направления, как содействие изданию литературы на всех языках народов РСФСР, финансирование их научных исследований, создание условий для использования различных языков в средствах массовой информации, организация работы по подготовке кадров специалистов, работающих в области сохранения и развития языков народов РСФСР, развитие системы народного образования с целью совершенствования языковой культуры народов РСФСР и другие.

Глава II. ПРАВА ГРАЖДАН ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РСФСР

Статья 8. Право на выбор языка общения

В сферах общения, подлежащих правовому регулированию в соответствии с настоящим Законом, право выбора и использования языка общения гражданами РСФСР определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Статья 9. Право на выбор языка воспитания и обучения

1. Граждане РСФСР имеют право свободного выбора языка воспитания и обучения.

2. Государство обеспечивает на территории РСФСР создание системы воспитательно-образовательных учреждений, иных форм воспитания и обучения на языках народов РСФСР.

3. Право выбора воспитательно-образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим в соответствии с законодательством РСФСР.

4. Язык обучения в средних, средних специальных и высших учебных заведениях определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

5. Гражданам РСФСР, проживающим за пределами своих национально-территориальных образований, а также не имеющих таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке

независимо от их количества и в соответствии с их потребностями.

Статья 10. Изучение и преподавание языков народов РСФСР

1. Государство обеспечивает гражданам РСФСР условия для изучения и преподавания родного языка и других языков народов РСФСР.

2. Русский язык как государственный язык РСФСР изучается в средних, средних специальных и высших учебных заведениях.

3. Преподавание государственных и иных языков в республиках в составе РСФСР осуществляется в соответствии с их законодательством.

4. Каждый народ РСФСР, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия.

5. Государство создает условия для научных исследований всех языков народов РСФСР.

Глава III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РСФСР В ВЫСШИХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РСФСР

Статья 11. Язык работы высших законодательных органов РСФСР

1. В высших законодательных органах РСФСР работа ведется на государственном языке РСФСР.

2. На съездах народных депутатов РСФСР, сессиях Верховного Совета РСФСР, на заседаниях Президиума, Совета Республики, Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР народным депутатам РСФСР предоставляется право выступать по их усмотрению на любом государственном языке республик в составе РСФСР. Их выступления обеспечиваются переводом на государственный язык РСФСР в порядке, установленном решениями высших законодательных органов РСФСР.

3. Слушания в комиссиях Совета Республики и Совета Национальностей и в комитетах Верховного Совета РСФСР проводятся на государственном языке РСФСР и в случае необ-

ходимости на любом другом языке народов РСФСР с обеспечением соответствующего перевода.

4. Проекты законов и других нормативных актов вносятся на рассмотрение съездов народных депутатов РСФСР, Верховного Совета РСФСР, Президиума, Совета Республики, Совета Национальностей, комиссий палат, комитетов Верховного Совета РСФСР на государственном языке РСФСР.

Статья 12. Язык опубликования законов и других правовых актов РСФСР

Тексты законов РСФСР и других правовых актов, принятых съездами народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР, Президиумом, Советом Республики, Советом Национальностей Верховного Совета РСФСР, Президентом РСФСР, публикуются на государственном языке РСФСР и государственных языках республик в составе РСФСР, имеют официальный характер и равную юридическую силу.

Статья 13. Язык опубликования законов и других правовых актов республик в составе РСФСР

Тексты законов и других правовых актов, принятых законодательными органами республик в составе РСФСР, публикуются на их государственных языках и на государственном языке РСФСР в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР, имеют официальный характер и равную юридическую силу.

Статья 14. Язык проведения выборов в законодательные органы РСФСР, Президента РСФСР и референдумов

1. При подготовке и проведении выборов в законодательные органы и Президента РСФСР используются государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР и иные языки, определяемые законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Языки, используемые при подготовке и проведении всероссийских референдумов, определяются Верховным Советом РСФСР. Языки, используемые для подготовки и проведения ре-

ферендумов в республиках в составе РСФСР, устанавливаются в соответствии с законодательством данных республик.

3. Избирательные бюллетени для выборов и референдумов оформляются на государственном языке РСФСР и на языках их проведения. Документация, направляемая в центральном органе РСФСР по проведению выборов и референдумов, оформляется на государственном языке РСФСР.

Глава IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РСФСР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

Статья 15. Использование языков в работе государственных органов, организаций, предприятий и учреждений

1. В деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений РСФСР используются государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР и иные языки народов РСФСР.

2. Гражданам РСФСР, не владеющим государственным языком РСФСР и государственным языком республики в составе РСФСР, предоставляется право выступать на заседании, совещании, собрании в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях на том языке, которым они владеют. В случае необходимости обеспечивается соответствующий перевод.

3. Гражданам РСФСР, не владеющим тем языком, на котором ведется заседание, совещание, собрание в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях, в случае необходимости обеспечивается перевод на приемлемый для этих граждан язык или на государственный язык РСФСР.

4. Граждане РСФСР вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения РСФСР с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке РСФСР, родном языке или на любом другом языке народов РСФСР, которым они владеют.

5. Ответы на предложения, заявления и жалобы граждан РСФСР, направленные в государственные органы, организации,

на предприятия и в учреждения РСФСР, даются на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык РСФСР.

6. Положениями о языковых квалификационных требованиях РСФСР и республик в составе РСФСР могут предусматриваться определенные ограничения и нормы по использованию языков в сфере профессионального общения.

Статья 16. Использование языков в официальном делопроизводстве

1. На территории РСФСР официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке как государственном языке РСФСР. Официальное делопроизводство в республиках в составе РСФСР ведется также на государственных языках данных республик. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственном языке РСФСР, государственных языках республик в составе РСФСР и иных языках народов РСФСР, определяемых законодательством республик в составе РСФСР.

3. В местностях компактного проживания иноязычного населения официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях может вестись не только на государственном языке РСФСР, государственных языках республик в составе РСФСР, но и на языке большинства населения такой местности. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве в таких местностях определяется законодательством РСФСР.

4. Официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем (паспорта, свидетельства о рождении, браке и смерти, трудовые книжки, аттестаты и дипломы об окончании учебных заведений, военные билеты и другие документы), оформляются с учетом национальных традиций именованя на русском языке и на государственных язы-

ках республик в составе РСФСР, на территориях которых выдаются эти документы.

Статья 17. Использование языков в официальной переписке

Официальная переписка и иные формы официальных взаимоотношений между государственными органами, организациями, предприятиями, учреждениями республик в составе РСФСР с адресатами в РСФСР ведутся на государственном языке РСФСР.

Статья 18. Использование языков в судопроизводстве и делопроизводстве в правоохранительных органах

1. Судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РСФСР, Верховном Суде РСФСР, Высшем арбитражном суде РСФСР и в других правоохранительных органах РСФСР ведется на государственном языке РСФСР.

2. Судопроизводство и делопроизводство в правоохранительных органах республик в составе РСФСР ведется на государственных языках этих республик и (или) на языке большинства иноязычного населения, компактно проживающего в какой-либо местности, а также на государственном языке РСФСР в соответствии с законодательством РСФСР.

3. Лицам, участвующим в деле, не владеющим языком или языками, на которых ведется судопроизводство и делопроизводство в правоохранительных органах, гарантируется возможность пользоваться услугами переводчика в процессуальных действиях, в том числе для дачи объяснений, показаний и полного ознакомления с материалами дела, а также гарантируется право выступать в суде на родном языке.

4. Нарушение установленного законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР порядка использования языков в судопроизводстве и делопроизводстве в правоохранительных органах является основанием для отмены судебного решения и всех других процессуальных решений, принимаемых по делам, находящимся в производстве.

Статья 19. Использование языков в нотариальном делопроизводстве

1. Правила определения языка судопроизводства распространяются на язык нотариального делопроизводства в государственных нотариальных конторах и в других государственных органах, выполняющих функции нотариального делопроизводства.

2. Документы оформляются на государственном языке РСФСР, если гражданин, обратившийся за совершением нотариального действия, не владеет тем языком, на котором ведется делопроизводство.

Статья 20. Язык средств массовой информации

1. Издание всероссийских газет и журналов, передачи всероссийского телевидения и радиовещания осуществляются на русском языке как государственном языке РСФСР. Всероссийские газеты и журналы могут также по усмотрению учреждений издаваться на иных языках.

2. В средствах массовой информации республик в составе РСФСР используются русский язык, государственные языки республик в составе РСФСР, а также иные языки народов, проживающих на их территориях.

3. При переводе и дублировании кино- и видеопродукции используются государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР и другие языки с учетом интересов населения.

4. Порядок использования языков в средствах массовой информации определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Статья 21. Языки, используемые в сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики

1. В сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики на всей территории РСФСР применяется русский язык как государственный язык РСФСР, а также другие языки в соответствии с международными и межреспубликанскими договорами РСФСР.

2. В сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики на местном уровне наряду с государственным языком РСФСР, государственными языками республик в составе

РСФСР могут употребляться другие языки с учетом интересов местного населения.

Статья 22. Языки, используемые в сферах обслуживания и в коммерческой деятельности

1. Порядок использования языков в сфере обслуживания и в коммерческой деятельности определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР. Отказ в обслуживании граждан под предлогом незнания языка недопустим и влечет за собой ответственность согласно законодательству РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Делопроизводство в сфере обслуживания и коммерческой деятельности ведется на государственном языке РСФСР и иных языках, предусмотренных договорами между деловыми партнерами.

Глава V. ЯЗЫК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ И НАДПИСЕЙ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И ДОРОЖНЫХ УКАЗАТЕЛЕЙ

Статья 23. Порядок определения языка географических наименований и надписей, топографических обозначений и дорожных указателей РСФСР и республики в составе РСФСР, края и области, автономная область, автономные округа РСФСР в соответствии с их компетенцией определяют перечень территорий и объектов, где географические наименования и надписи, топографические обозначения, дорожные указатели должны оформляться на государственном языке РСФСР, на государственных языках республик в составе РСФСР, а также на иных языках с учетом интересов местного населения.

Статья 24. Обязанности органов исполнительной власти по оформлению и установлению надписей, топографических обозначений и дорожных указателей

Органы исполнительной власти обеспечивают установку надписей, топографических обозначений и дорожных указателей и несут ответственность за их оформление и поддержа-

ние в надлежащем порядке в соответствии с законодательством РСФСР, международными стандартами.

Статья 25. Наименование и переименование территорий, населенных пунктов и иных объектов

1. Наименование и переименование территорий, населенных пунктов и иных объектов производится на языках народов РСФСР в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Порядок использования языков при наименовании и переименовании указанных объектов определяется органами государственной власти, в ведении которых они находятся, в соответствии с их компетенцией.

Глава VI. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ОТНОШЕНИЯХ РСФСР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ, МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, РЕСПУБЛИКАМИ В СОСТАВЕ РСФСР

Статья 26. Использование языков в отношениях РСФСР с зарубежными странами и международными организациями

1. Деятельность зарубежных представительств РСФСР, внешнеполитических, внешнеэкономических и иных учреждений РСФСР осуществляется на государственном языке РСФСР и на языке соответствующей страны.

2. Договоры, соглашения и иные международные акты, заключаемые от имени РСФСР, оформляются на государственном языке РСФСР и на языке другой договаривающейся стороны либо на иных языках по взаимной договоренности сторон.

3. В переговорах от имени РСФСР с представителями других стран, международных организаций используются государственный язык РСФСР и иные языки по взаимной договоренности сторон и в соответствии с международными соглашениями.

Статья 27. Использование языков в отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР

В отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР используются на равноправной основе государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР, иные языки в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Глава VII. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР О ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РСФСР

Статья 28. Ответственность за нарушение законодательства РСФСР о языках народов РСФСР

Действия юридических и физических лиц, нарушающих законодательство РСФСР о языках народов РСФСР, влекут за собой ответственность и обжалуются в установленном порядке в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Президент РСФСР

Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Дом Советов РСФСР
25 октября 1991 года
N 1807-I

Приложение 2.

**Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ
"О государственном языке Российской Федерации"**

(принят Государственной Думой 20 мая 2005 года,
одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года)

Настоящий Федеральный закон направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры.

Статья 1. Русский язык как государственный язык Российской Федерации

1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

2. Статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 года N 1807-I "О языках народов Российской Федерации" и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

3. Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

4. Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве.

5. Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

6. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

7. Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации.

Статья 2. Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации

Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года N 1807-1 "О языках народов Российской Федерации" и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих проблемы языка.

Статья 3. Сферы использования государственного языка Российской Федерации

1. Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

1) в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

2) в наименованиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности;

3) при подготовке и проведении выборов и референдумов;

4) в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации;

5) при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов;

6) во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений;

7) при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки;

8) при оформлении документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации, изготовлении бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, оформлении документов об образовании, выдаваемых имеющими государственную аккредитацию образовательными учреждениями, а также других документов, оформление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется на государственном языке Российской Федерации, при оформлении адресов отправителей и получателей телеграмм и почтовых отправок, пересылаемых в пределах Российской Федерации, почтовых переводов денежных средств;

9) в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исключением деятельности организаций теле-

радиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла;

10) в рекламе;

11) в иных определенных федеральными законами сферах.

2. В случаях использования в сферах, указанных в части 1 настоящей статьи, наряду с государственным языком Российской Федерации государственного языка республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языков народов Российской Федерации или иностранного языка тексты на русском языке и на государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранном языке, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, должны быть идентичными по содержанию и техническому оформлению, выполнены разборчиво, звуковая информация (в том числе в аудио- и аудиовизуальных материалах, теле- и радиопрограммах) на русском языке и указанная информация на государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранном языке, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, также должна быть идентичной по содержанию, звучанию и способам передачи.

3. Положения части 2 настоящей статьи не распространяются на фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, а также теле- и радиопрограммы, аудио- и аудиовизуальные материалы, печатные издания, предназначенные для обучения государственным языкам республик, находящихся в составе Российской Федерации, другим языкам народов Российской Федерации или иностранным языкам.

Статья 4. Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции:

1) обеспечивают функционирование государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации;

2) разрабатывают и принимают федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, разрабатывают и реализуют направленные на защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации соответствующие федеральные целевые программы;

3) принимают меры, направленные на обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации;

4) принимают меры по совершенствованию системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного языка, а также осуществляют подготовку научно-педагогических кадров для образовательных учреждений с обучением на русском языке за пределами Российской Федерации;

5) содействуют изучению русского языка за пределами Российской Федерации;

6) осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка;

7) осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации;

8) принимают иные меры по защите и поддержке государственного языка Российской Федерации.

Статья 5. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации

1. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает:

1) получение образования на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;

2) получение информации на русском языке в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органах, органах местного самоуправления, организациях всех форм собственности;

3) получение информации на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации. Данное положение не распространяется на средства массовой информации, учрежденные специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках.

2. Лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, при реализации и защите их прав и законных интересов на территории Российской Федерации в случаях, предусмотренных федеральными законами, обеспечивается право на пользование услугами переводчиков.

Статья 6. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации

1. Принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, направленных на ограничение использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также иные действия и нарушения, препятствующие осуществлению права граждан на пользование государственным языком Российской Федерации, влекут за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

2. Нарушение настоящего Федерального закона влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Статья 7. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования¹⁰.

Президент Российской Федерации

В. Путин

Москва, Кремль

1 июня 2005 г.

№ 53-ФЗ

¹⁰ Текст Федерального закона опубликован в "Парламентской газете" от 7 июня 2005 г. № 100, в "Российской газете" от 7 июня 2005 г. № 120, в Собрании законодательства Российской Федерации от 6 июня 2005 г. № 23 ст. 2199

Оглавление

Введение	3
Содержание лекционного курса	4
Содержание практических занятий	8
Самостоятельная работа	15
Модели анализа языкового материала	17
Вариант 1. Анализ мифологемы как компонента языковой картины мира	17
Вариант 2. Этнолингвистическая модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре	38
Вариант 3. Анализ языкового воплощения стереотипов русского национального сознания (на материале представлений о болезни)	45
Вариант 4. Анализ ономаσιологических моделей: лингвокультурологический аспект	53
Вариант 5. Анализ названий дней народного календаря природы: лингвокультурологический аспект	61
Вариант 6. Анализ фразеологических единиц с сакральным компонентом	69
Рекомендуемая литература	78
Приложение 1. Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств	82
Приложение 2. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О языках народов РСФСР»	99
Приложение 3. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»	113

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Коновалова Надежда Ильинична

Этносоциоллингвистика

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Подписано в печать 25.11.2016 г. Формат 60x84/16

Усл. печ. л. –5,2. Уч.з-изд.л. – 7,5

Тираж 500 экз. Заказ _____

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет»

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26